

Ярослав Дубинский

СМОЛЕНСКИЙ УПЫРЬ

18+

Ярослав Дубинский
Смоленский упырь

«Автор»

2026

Дубинский Я.

Смоленский упырь / Я. Дубинский — «Автор», 2026

В глубине Смоленской области, во времена Российской империи, раскинулась небольшая деревня. Деревянные избы, потемневшие от времени, теснятся вдоль пыльной дороги. С раннего утра на полях трудятся крестьяне: кто-то пашет, кто-то сеет — привычный круговорот деревенской жизни. На барских наделах тоже кипит работа: мужики и бабы отбывают барщину, несут оброк — повинности, что лежат на плечах каждого жителя. Вдалеке виднеются пастбища с мирно пасущимся скотом: коровы неторопливо щиплют траву, овцы сбиваются в стада. Рядом мужики косят сено — воздух наполнен терпким, душистым ароматом свежескошенной травы. Поля и наделы сенокоса постепенно редуют и плавно переходят в тёмный, густой лес, чьи высокие сосны и ели словно сторожат деревню, обрамляя её с трёх сторон. Пейзаж дышит покоем, веет простотой и безмятежностью — так было испокон веков.

© Дубинский Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Дубинский

Смоленский упырь

Глава 1

Затаившееся зло в глубине Смоленской области, во времена Российской империи, раскинулась небольшая деревня. Деревянные избы, потемневшие от времени, теснятся вдоль пыльной дороги. С раннего утра на полях трудятся крестьяне: кто пашет, кто сеет — привычный круговорот деревенской жизни. На барских наделах тоже кипит работа: мужики и бабы отбывают барщину, несут оброк — повинности, что лежат на плечах каждого жителя. Вдалеке виднеются пастбища с мирно пасущимся скотом: коровы неторопливо щиплют траву, овцы сбиваются в стада. Рядом мужики косят сено — воздух наполнен терпким, душистым ароматом свежескошенной травы. Поля и наделы сенокоса постепенно редуют и плавно переходят в тёмный, густой лес, чьи высокие сосны и ели словно сторожат деревню, обрамляя её с трёх сторон. Пейзаж дышит покоем, веет простотой и безмятежностью — так было испокон веков, так, кажется, будет всегда. Но это обманчивое спокойствие. Жители деревни ещё не знают, что их размеренная жизнь подходит к концу. В чаще леса, за сплетением ветвей и густыми зарослями, что-то таится. Из тёмной чащи за людьми неотрывно следят красные глаза — они внимательно, холодно изучают каждого, будто выбирая первую жертву.

Гоша Недалеко от пасущихся коров, в тени берёзы, на траве сидел подросток лет шестнадцати. На нём были латаные порты, льняная рубаха и лапти. Черноволосый парень сосредоточенно вырезал ножом свистульку в форме птички — аккуратно прорисовывал в древесине каждое пёрышко на её крыльях. — Гошка, опять ерундой маешься? — окликнули его мимо проходящие бабы. — Хотя бы коров всех на стойло пригнал. Не потерял — и на том спасибо. — Ага, пригнал, — ответил Гошка с искривлённой гримасой. — Я с вами дружу ага — и дальше продолжил бормотать себе под нос: — Мы дружим ага, мы дружим ага — Тьфу, дурак! — произнесла одна из проходящих баб, глядя на Гошу исподлобья. — Ох и мается с тобой батька! Вот же бог не прибрал дурака Да и Агафья с ним носится, как с писаной торбой. А Гоша уже насвистывал мелодию на только что вырезанной свистулке и покачивал головой в такт. Бабы, уже подоив коров, возвращались обратно. — Смотри, опять не потеряй коров, а то барин тебе задаст! — крикнула одна из них. — Не потеряю, пфф, не потеряю ага, пфф, не потеряю ага, пыфф, — повторял Гошка, не переставая насвистывать. Коровы разбрелись по лугу. Некоторые зашли в реку, обмахиваясь хвостами и разбрызгивая капли воды, — так они спасались от местного гнуса. А Гошка всё играл на свистулке, погружённый в свой мир.

Зло в лесу Гоша пас коров — так проходили его дни летом. Это было единственное дело, которое ему доверяли в деревне: все считали его умственно отсталым. Лишь мать, Агафья, ухаживала за ним, заботилась и души не чаяла в своём непутёвом сыне. Вот и сегодня он занимался привычной работой. Гоша уже привык к рутине трудового дня и даже радовался тому, что проводит время на лугу: здесь деревенские мальчишки его не трогали, не обзывали и не задирали. Он сидел на пригорке, следил за стадом, иногда насвистывал простенькие мелодии — и мир казался ему добрым, безопасным. День клонился к закату. Небо наливалось багрянцем, длинные тени ложились на траву, а воздух становился всё прохладнее. Гоша начал собирать коров, чтобы отогнать их в деревню. Он пересчитывал животных, тихо бормоча себе под нос: «Одна две три» — и вдруг замер. Одной бурёнки не было. Сердце ёкнуло. Гоша обошёл всё пастбище, зорко всматриваясь в каждую ложбинку, в каждый куст. Он звал её тихо, почти шёпотом: «Мушка Мушка» — но ответа не было. В поисках он невольно забрёл в лес. Сначала шли редкие деревья, потом лес стал гуще, стволы толстели, ветви сплетались над головой, словно пытаясь перекрыть путь назад. Гоша не заметил, как оказался в самой чаще — там, где свет почти не пробивался сквозь кроны, а под ногами шуршали прелые листья. Тишина. Не та добрая, луговая тишина, а тяжёлая, гнетущая. Ни птичьего щебета, ни стрекота кузнечиков — только собственное дыхание да стук сердца, который отдавался в ушах всё громче и громче. В-

друг он услышал странные звуки. Не то хрип, не то бульканье, перемешанное с влажным чавканьем. Звук шёл откуда-то справа, изза густых кустов боярышника. Гоша замер, покрывшись липким потом. Страх сжал горло, но любопытство — или какая-то странная сила — потянуло его вперёд. Он раздвинул колючие ветви. Картина, открывшаяся его глазам, заставила кровь заледенеть в жилах. Непонятное существо склонилось над телом коровы. Оно вцепилось в её шею длинными, неестественно изогнутыми пальцами, а из пасти, полной острых, как иглы, зубов, струилась тёмная кровь. Существо было похоже на человека — но не совсем. Его кожа казалась бледной, почти прозрачной, глаза горели красным, а длинные чёрные волосы свисали сосульками, пачкаясь в крови. Оно не просто убивало — оно наслаждалось, издавая низкие, утробные звуки, похожие на довольное урчание. Гоша не успел как следует разглядеть чудовище — он и не хотел. Ужас, первобытный и всепоглощающий, пронзил его насквозь. В груди что-то оборвалось, руки затряслись, ноги стали ватными. Он хотел закричать — но голос пропал, застрял где-то в горле. Инстинкт самосохранения взял верх. Гоша отпрянул, споткнулся о корень, едва не упал, но каким-то чудом удержался на ногах. Не помня себя, он бросился прочь. Ветви хлестали по лицу, колючки рвали рубаху, корни норовили подставить подножку — но он бежал, бежал, бежал, не разбирая дороги. Он забыл про стадо, забыл про пропавшую корову, забыл даже собственное имя. В голове билась одна мысль: «Убежать! Убежать! Убежать!» Гоша бежал без оглядки. Он не смел обернуться — боялся, что увидит его там, в тени деревьев, скользящего между стволами, догоняющего. Каждый шорох за спиной заставлял сердце подскакивать к горлу: то ли это ветка хрустнула под его собственной ногой, то ли оно крадёт следом, бесшумно, неумолимо. Луг остался позади. Показались первые избы, покосившийся забор, дымок над трубой их дома. Гоша не шёл — он летел, будто за ним гналась сама тьма. Он не замечал ничего вокруг: ни удивлённых взглядов соседей, ни лая собак, ни криков вдогонку. В ушах стучала кровь, в груди жгло, лёгкие горели, но он бежал. Только когда перед ним выросла родная изба — с облупившейся краской на ставнях, с ветхой крышей, с маленьким окошком, в котором всегда горел тёплый огонёк, — Гоша замедлился. Он вцепился в забор, тяжело дыша, едва держась на ногах. Руки дрожали так сильно, что он едва смог толкнуть калитку. Пошатываясь, Гоша ввалился во двор. Земля под ногами казалась зыбкой, как болото, а дом — единственным островком безопасности в этом внезапно ставшем чужим мире. Он добрёл до крыльца, упал на ступеньку и, сжавшись в комок, всё ещё бормотал, задыхаясь: «Я бежал бежал без оглядки до самого дома» Дрожь не унималась. Гоша поднял глаза на лес, видневшийся вдаль, — тот стоял тёмной, молчаливой громадой, будто проглотив всё, что случилось внутри. И только где-то глубоко в чаще, ему почудилось, мелькнули два красных огонька, наблюдающих за ним. Он вздрогнул и поспешно отвернулся. Теперь он был дома. Рядом — мать. Здесь, за этими стенами, ещё пахло хлебом и теплом, здесь можно было хоть на миг забыть то, что он видел в лесу.

Плети

Гоша заскочил в дом, захлопнул за собой дверь и, не снимая лаптей, вскарабкался на печь. Устроившись на тёплой лежанке, он забился в самый дальний угол, подтянул колени к груди и обхватил их руками. Глаза его были расширены от ужаса, губы дрожали. Он раскачивался из стороны в сторону, бормоча себе под нос: «Бежать бежать прятаться ага, да не найдут не поймают» Тем временем деревенские мужики, заметив, что стадо всё ещё на лугу, начали переглядываться с недоумением.— Ну и где этот дурень? — хмуро произнёс старший из них, бородатый Игнат, вытирая пот со лба рукавом рубахи. — Опять небось гдето дрыхнет под кустом? Они направились к пастбищу. Обшарив весь луг, пересчитав коров, перекрикиваясь и чертыхаясь, мужики загнали стадо в деревню и, всё больше распаяясь, направились к дому Агафьи. Женщина, заметив эту грозную процессию — шестеро хмурых мужиков с вилами и дубинами, — вышла на улицу, прижимая руки к груди. Её сердце сжалось от недоброго предчувствия. Из толпы донеслось:— Где твой дурень? Агафья, стараясь скрыть дрожь в голосе, ответила:— Сейчас должен прийти, вместе со стадом. Гошенька никогда не опаздывал— Стадо мы загоняли, а твоего недоумка не было там, — отрезал Игнат. — Опять, поди, в своём мире витает?— Мой Гоша никогда стадо не бросал и не мог бросить, — твёрдо сказала Агафья, выпрямившись. В её глазах мелькнула искорка упрямства. — Он добрый мальчик, просто не такой, как все.— Пошли в хату, посмотрим, — произнёс один из мужиков, высокий и сутулый, по прозвищу Кривой. Войдя в избу, они увидели, что Гоша забился в дальний угол печи. Он сидел, обхватив себя руками, и раскачивался, бормоча:— Я видел я видел оно там в лесу— Слазь, дурень! — грубо приказал Кривой, хватаясь за ножку лавки и угрожающе поднимая её. Агафья бросилась к печи:— Гошенька, милый, спустись, расскажи, что случилось! — она протянула к нему руки. — Они не сделают тебе ничего плохого, только объясни. Но Гоша лишь всхлипывал и мычал что-то непонятное:— Я видел ыы ммммм мм ммм видел! — он размахивал руками, показывал на своё лицо, затем на зубы, будто пытался что-то объяснить. Его глаза были полны ужаса, пальцы дрожали.— Совсем сбрендил, — бросил Игнат, брезгливо морщась. Он схватил Гошу за шиворот рубахи, сдёрнул с печи и потащил его на улицу.— Отведём к барину, пусть разбирается! Перепуганного мальчишку, едва держащегося на ногах, притащили к барскому дому. Деревенские мужики, сбившись в кучку, рассказали о ситуации со скотом.— Батюшка, Александр Серафимович, — начал Игнат, низко кланяясь, — изза этого полоумного чуть скота не лишились! Он должен был стадо пригнать, а сам, вишь, сбежал кудато!— Одна из коров всётаки пропала, — добавил Кривой. — Может, волк задрал, а может, и нет. Барин, Александр Серафимович, высокий, сухопарый мужчина с жёсткими чертами лица, выслушал их, постукивая пальцами по подлокотнику кресла. Он был известен своей суровостью и тем, что за малейший проступок наказывал крестьян плетью. Мужики, видя его недовольство, связали всё воедино и пришли к выводу, что Гоша всё выдумал про чудище в лесу. Гоша, стоявший посреди комнаты, всё повторял, глядя в одну точку:— Я видел я видел оно пили кровь красные глаза— Брехня! — рявкнул барин. — Десять ударов плетью ему за ложь и за то, что стадо бросил! Мужики вытащили лавку во двор. Самый пьяный из них, рыжий Федька, схватил Гошу, толкнул на лавку, привязал руки и ноги к лавке верёвками, разорвал рубаху на спине и взял плеть. Первые три удара Гоша ещё держался и не издал ни одного звука. Его губы были плотно сжаты, пальцы вцепились в края лавки так, что побелели костяшки. Но на четвёртом ударе он вскрикнул, а затем потерял сознание. После десяти ударов мужики оттащили Гошу домой и бросили у порога.— Забирай непутёвого. Будет ему урок, как брехать барину! — бросили они и ушли, громко топая сапогами. Агафья, бледная как полотно, дрожащими руками затащила сына в дом и уложила его на полати. Она поправила ему волосы, вытерла слёзы с грязного лица, смахнула прилипшие травинки. Не теряя времени, женщина побежала к соседке

— благо, бабка эта была ведуньей. Та, увидев Агафью, сразу всё поняла. Не говоря ни слова, она схватила мешочек с травами, банку с мазью, чистую холстину и поспешила за ней. Осмотрев раны, ведунья вздохнула:— Воля божья, если выживет А так — вот травы. Настаивай и протирай раны. И молись. Агафья просидела всю ночь рядом с сыном. Она смачивала тряпицу в травяном настое и осторожно протирала кровавые полосы на спине. Её руки дрожали, а слёзы капали на рубаху Гоши.— За что они с тобой так — шептала она, глядя его по голове. — За что Ты же добрый мальчик, ты никому зла не делал Гоша, в полузабытьи, иногда вздрагивал, шептал что-то невнятное, но не приходил в себя до самого рассвета. А за окном, в тёмной чаще леса, где-то далеко, снова мелькнули два красных огонька — будто подтверждая, что увиденное Гошей было не бредом, а страшной реальностью

Федька рыжий

Федька Рыжий В эту же ночь в деревне произошло странное событие: Федька рыжий пропал. Новость разнеслась по деревне к утру. Не вышел на работу, сообщил десятник, хмуро переминаясь с ноги на ногу перед собравшимися мужиками. — Федька хоть и пьяница, да на работу с утра приходил как штык, — отрезал Игнат, сжимая кулаки. Его лицо, изборождённое морщинами, стало ещё суровее. — Не бывало такого, чтобы он прогулял. Отроду не видано! — Хочешь верь, а хочешь не верь, — настаивал десятник, — ну нет его на работе, нету. Давеча ещё был, а нынче — словно сквозь землю провалился. — Да дела — Игнат почесал затылок, оглядел собравшихся. — Айда, братцы, до дому Федьки! Мужики двинулись по улице — Игнат впереди, за ним Кривой, Мифет, Трофим и ещё двое помоложе. По дороге переговаривались вполголоса, бросали тревожные взгляды на окна домов. Деревня будто притихла, насторожилась. Подходя к дому Федьки, они сразу заметили неладное: собаки не было на привязи. Цепь валялась на земле, слегка подрагивая, будто её только что сорвали с кола. Войдя в избу, мужики увидели всю зареванную Аксинью. Она сидела на лавке, обхватив голову руками, плечи её содрогались от беззвучных рыданий. Платок сбился набок, волосы растрепались. — Что стряслось, Аксинья? — спросил Игнат, стараясь говорить помягче, хотя голос всё равно прозвучал резко. Аксинья подняла заплаканное лицо, всхлипнула и начала рассказывать, задыхаясь и глотая слова: — Нас разбудил пёс Лаял не своим голосом, так страшно, так отчаянно Федьку это встревожило, и он вышел посмотреть, да и успокоить пса. А я его упрасивала: «Не ходи, сердешный, сердце чует беду!» — Аксинья залилась ещё в большей истерике, закрывая лицо руками. Игнат, не будучи знатоком бабских дел и не терпевший долгих слёз, подошёл и хлопнул ладонью по лицу женщины — не со злобой, а чтобы привести в чувство. Звук пощёчины гулко разлетелся по избе. Аксинья схватилась рукой за щёку, охнула — и вдруг успокоилась, будто прорвавшаяся плотина вдруг затворилась. — Рассказывай, чё было дальше, — приказал Игнат. — Вышел он на двор, — тихо, почти шёпотом заговорила Аксинья, — а там как ието странные звуки Шум, всё падало, гремело, а потом — затихло. И Фёдор так и не вернулся. Ни крика, ни стоны — просто тишина. Словно и не было его вовсе. Она снова зарыдала, уткнувшись лицом в подол. — Ладно, чёрт с ней с этой бабой, — махнул рукой Игнат. — Всё равно толком не объяснит. Пошли отсель. Аксинья на миг затихла и добавила, глядя куда-то в пустоту: — Красные глаза Я видела В окне мелькнули Красные, аки угли адские. И снова задалась рыдать, раскачиваясь из стороны в сторону: — Ой, ай, миленький, на кого оставил, на кого покинул. Да за что ж такое наказание-то — Пошли отсель, пошли! Не видите, бабе худо, — добавил Игнат, подталкивая мужиков к двери. Они вышли из дома. Воздух был холодным, утренняя роса блестела на траве. Мужики переглядывались, хмурились, переминались с ноги на ногу. — Чё дальше делать будем, Игнат? — спросил Мифет, поправляя шапку. — Искать будем аль как? — А то что ещё? — хмуро ответил Игнат. — Разделимся. Кривой и Трофим — проверьте окрестности двора, обойдите вокруг дома. Вы двое — ступайте к реке, может, там следы сыщете. А мы с Мифетом пройдемся по деревне, поспрашиваем, не видал ли кто чего. Да смотрите — осторожнее там. Он замолчал, оглянулся на лес, темневший на горизонте. Ветви деревьев шевелились на ветру, будто чьи-то длинные пальцы. Игнат невольно слотнул. В голове всплыли слова Гоши: «Красные глаза Оно пили кровь» — И слушайте, — добавил он тихо, — ежели что странное заметите сразу ко мне. Без самодеятельности, слышите? Не ровен час, беда приключится. Мужики разошлись в разные стороны, а Игнат ещё долго стоял на улице, хмуро глядя вдаль, и в груди у него нарастало тяжёлое предчувствие: чтото в этой деревне пошло не так, и Федька, похоже, был не первой жертвой.

Министерство

Санкт-Петербург. Министерство внутренних дел. Двенадцать часов дня. Кабинет министра — генералмайора Поплавского Евграфий Антоновича. Просторный кабинет, выстроенный по моде последних десятилетий, располагался на втором этаже главного корпуса. Высокие потолки украшала лепнина с вензелями и дубовыми листьями, частично потемневшая от времени. Тяжёлые бордовые портьеры с золотой бахромой были раздвинуты — сквозь высокие окна проникал яркий летний свет, отражаясь в полированной поверхности массивного письменного стола из красного дерева. Лёгкий ветерок колыхал кисейные занавески, пробиваясь сквозь приоткрытую форточку и принося с улицы едва уловимые запахи цветущей сирени и речной свежести с Невы. На столе — строгий порядок: бронзовые чернильницы с золочёными крышками, серебряный пресспапье в виде двуглавого орла, стопки бумаг, перевязанные шёлковыми шнурками, и несколько перьев в подставке. Рядом — фарфоровая чашка с остывшим чаем и серебряное блюдо с крошками миндального печенья. Толстый том «Свода законов Российской империи» лежал раскрытым на специальной подставке, а рядом — перекидной календарь с датами высочайших аудиенций. У стены стоял массивный книжный шкаф из тёмного дуба, заполненный справочниками, сборниками циркуляров и подшивками «Правительственного вестника». На полках — несколько наградных грамот в рамках под стеклом, портрет государя императора в золочёной раме и модель броненосца «Пётр Великий», подарок от Морского министерства. Над столом висела большая карта Европейской части России с отметками и флажками, обозначающими места происшествий и дислокацию жандармских управлений. Рядом — часы с маятником, мерно отсчитывающие секунды, их тиканье нарушало тишину кабинета. Возле окна — кожаный диван с высокой спинкой и резными ножками, обитый тёмнозелёной кожей, слегка потёртой от времени. Перед ним — круглый столик с мраморной столешницей, на нём — серебряный поднос с графином воды и парой хрустальных стаканов. В углу столика — веер из слоновой кости и лорнет в серебряной оправе. В углу — вешалка из чёрного дерева с генеральским мундиром; на спинке аккуратно перекинут летний плащ светлосерого цвета. На полу — толстый персидский ковёр с витиеватым узором, приглушающий шаги. В воздухе витал запах воска, старых бумаг, полированного дерева и едва уловимый аромат трубочного табака — Евграфий Антонович курил после обеда. Генералмайор Поплавский сидел в высоком кресле с резной спинкой, обитом бархатом. За его спиной — большое окно с видом на двор министерства: там зеленели подстриженные кусты, цвели клумбы, а по дорожке торопливо шли чиновники в лёгких сюртуках и кителях. Он поднял взгляд на вошедшего Аркадия Семёновича и произнёс: — Взгляните, Аркадий Семёнович, на вот это странное письмо, — обратился Поплавский к своему помощнику, протягивая сложенный лист. — И прочтите. Аркадий Семёнович взял письмо со стола и быстро пробежал взглядом по строкам. Бумага была грубоватой, почерк неровным, местами чернила расплылись. — Не находите ли чего странного в этом письме? — вновь заговорил Евграфий Антонович, пристально наблюдая за реакцией подчинённого. Баба Друцкий оторвал взгляд от письма, помолчал секунду, затем произнёс: — Странное то, что оно находится у нас, а не напрямую у его превосходительства. — За это нужно сказать спасибо нашим агентам на почте, — кивнул Поплавский и продолжил: — А теперь представьте: если бы это письмо оказалось там, на самом верху — Евграфий Антонович поднял указательный палец и указал на потолок. — Вы представьте, что бы было! Целое министерство не отдало должного внимания столь странному делу с исчезновением людей и скота в нескольких деревнях Смоленской губернии. Он сделал паузу, отпил глоток остывшего чая из фарфоровой чашки и добавил: — Тем более, что человек, написавший это письмо, в курсе: чиновники на местах вообще не соизволили проявить должного внимания к столь странному делу. А лишь отписывались: «ведётся следствие», — но по факту бездействовали. — И

что вы хотите этим сказать? — спросил Аркадий Семёнович, аккуратно складывая письмо. — А вот что, — помолчав несколько секунд, произнёс Евграфий Антонович. — Отправляйтесь в Смоленскую губернию и постарайтесь разобраться в данном деле. Получите письменное подтверждение, что все местные чиновники обязаны вам помогать и не чинить препятствий в следствии. Используйте все средства и возможности для расследования. — Слушаюсь, — ответил Аркадий Семёнович, щёлкнул каблуками и направился к выходу. — Кстати, — добавил Евграфий Антонович, когда помощник уже взялся за дверную ручку, — берегите себя. Уж больно много странного в данном деле. — Постараюсь, — не оборачиваясь, бросил Аркадий Семёнович и вышел из кабинета. Дверь за ним тихо закрылась, а генералмайор остался сидеть за массивным столом, задумчиво глядя в окно на залитый летним солнцем двор министерства. В голове его крутились тревожные мысли: что же творится в той далёкой деревне, если даже местные власти предпочитают закрывать глаза на происходящее?

Поездка Аркадия Семёновича БабаДруцкого в Смоленскую губернию Аркадий Семёнович БабаДруцкий, 32-летний аристократ и чиновник особых поручений при генералмайоре Поплавском, отличался безупречными манерами — они подчёркивали его статус и происхождение. Правильные черты лица, всегда тщательно выбритые щёки, безукоризненно сидящий строгий костюм — всё это выдавало в нём человека, для которого кодекс чести и приверженность правилам были не пустыми словами. Он был сдержан в эмоциях, но те, кто знал его близко, понимали: в критические моменты Аркадий Семёнович проявляет хладнокровие и решительность. Он не просто сыщик — он человек принципов, привыкший доводить начатое до конца. Получив поручение от генерала разобраться в загадочных исчезновениях людей и скота в деревнях Смоленской губернии, БабаДруцкий незамедлительно приступил к подготовке. В помощники ему был назначен поручик Гравюров Александр Степанович — молодой, исполнительный офицер с живым умом и отличной памятью. Для путешествия из Петербурга в Смоленск они выбрали дормез — просторную дорожную карету, специально предназначенную для дальних путешествий и сна. Внутри были устроены спальные места, имелись отсеки для багажа и припасов — всё, чтобы выдержать многодневную дорогу без лишних неудобств. Путь занял около недели. По дороге путники неоднократно останавливались: на почтовых станциях — для смены лошадей и проверки маршрута; в постоялых дворах — чтобы отдохнуть, перекусить горячими щами и пирогами, коротать время в ожидании свежих троек. БабаДруцкий использовал остановки с пользой: расспрашивал станционных смотрителей, ямщиков и случайных попутчиков о слухах и происшествиях в окрестностях. Он делал заметки в блокноте, аккуратно записывал детали, уточнял направления. Поручик Гравюров внимательно слушал, запоминал, иногда задавал уточняющие вопросы. — Александр Степанович, — обратился БабаДруцкий к поручику, — расспроситека смотрителя, не слышал ли он чего о странных происшествиях по дороге к Смоленску. Особенно в деревнях ближе к лесам. — Слушаюсь, Аркадий Семёнович, — кивнул Гравюров и направился к смотрителю. Через несколько минут вернулся с новостями: — Смотритель говорит, что в трёх деревнях подряд пропали коровы. И один мужик исчез — ушёл в лес за дровами и не вернулся. Местные шепчутся, будто это леший шалит. БабаДруцкий усмехнулся: — Леший, значит Любопытно. Запишем: три деревни, пропажи скота, исчезновение крестьянина. А что ещё? — Ещё говорят, будто по ночам в лесу огни видят, красные такие. Но это, должно быть, росказни. — Всё записывайте, Александр Степанович. Росказни часто оказываются единственным следом. — Аркадий Семёнович, а вы верите в нечистую силу? — спросил Гравюров за ужином. — Ну, в леших, водяных, домовых? БабаДруцкий отложил ложку, задумчиво посмотрел на поручика: — Я верю в факты, Александр Степанович. В следы, показания, улики. Но я также верю, что люди не станут выдумывать страх на пустом месте. Если все говорят о красных огнях — значит, чтото они видели. Наша задача — понять, что именно скрывается за этими рассказами. — То есть вы думаете, тут не мистика, а преступление? — Пока не знаю. Но я знаю, что за каж-

дым суеверием может стоять чьято корысть. Или чьято тайна.— Чёрт бы побрал эту дорогу! — выругался Гравюров, выглядывая в окно. — Мы так до вечера не доберёмся. БабаДруцкий спокойно достал блокнот:— Зато у нас есть время. Расскажите, что вы заметили по пути? Какие деревни показались вам наиболее тревожными?— Та, где нам сказали про красные огни. Там люди както странно смотрели на нас. Будто боялись, что мы чтото узнаем.— Вот именно. Запишите: деревня с «красными огнями», настороженное население. И отметьте, что там нет ни одного пса — я заметил, во дворах ни одной собаки. Гравюров удивлённо поднял брови: — Вы и это заметили?— Я замечаю всё, Александр Степанович. Это моя работа. Добравшись до Смоленска, путники столкнулись с новым испытанием: небо внезапно разверзлось, и хлынул проливной дождь. Дороги мгновенно превратились в вязкую распутицу. Карета то и дело увязала в грязи, колёса скользили, кучер чертыхался, а лошади с трудом вытягивали экипаж. Но БабаДруцкий сохранял хладнокровие. Он поправил манжеты рубашки, достал блокнот и сделал первую запись: «Деревня неизвестность и нечто, что местные предпочитают не замечать». Поручик Гравюров молча кивнул — он уже знал: когда начальник достаёт блокнот, значит, работа началась всерьёз. Карета, покачиваясь и увязая в грязи, медленно продвигалась вперёд — к месту, где, по слухам, творились необъяснимые вещи, а люди исчезали без следа.

Голова на столбе

Обойдя всю деревню, осмотрев луг и берег реки, мужики не нашли следов Федыки. — Будто сквозь землю провалился, Федька, — сказал Трофим, когда мужики снова собрались вместе. — Ни следа, — добавил Мифет, хмуро оглядывая товарищей. — Всё обошли, всё посмотрели, — недоверчиво глядя на мужиков, произнёс Игнат. — Да и собаки тоже нет, — добавил один из мужиков помладше. — Со двора пропала, ни где не слышать. — Только лес остался, — со страхом произнёс Трофим, поглядывая в сторону тёмной чащи, чьи верхушки покачивались на фоне закатного неба. — Завтра, как рассветет, пойдём в лес, — твёрдо заявил Игнат. — Больше искать негде. Так и разошлись мужики по домам. Игнат же ещё раз обошёл поля и берег реки рядом с домом Федыки — вдруг упустил какуюто мелочь? Но и здесь ничего не нашлось: ни следа, ни обронённой вещицы, ни клочка одежды. Вернувшись домой, он собрал всё необходимое для похода в лес, уложив в пестерь топорик, краюху хлеба, огниво и флягу с водой. Накормив собаку и поужинав сам, лёг спать. Ближе к полуночи Игната разбудил пёс — он разрывался на цепи, заливаясь лаем. Встав, одевшись и захватив с собой лучину, Игнат вышел во двор и заорал на пса: — Чего разбрехался, спать не даёшь? А ну в будку! Но пёс не обращал внимания на окрики хозяина и продолжал лаять в сторону калитки, шерсть на загривке встала дыбом. Игнат поднял лучину на уровень лица — ничего не разглядел, но ему показалось, что в темноте рядом с забором чтото мелькнуло: какаято тень, быстрая и бесшумная. — Кого там чёрт носит?! — со злобой прорычал Игнат. Подойдя к калитке, он увидел — и обомлел. На столбе забора рядом с калиткой висела голова Федыки с застывшей гримасой страха и открытыми глазами. Зрачки остекленели, губы были чуть приоткрыты, словно он хотел чтото сказать в последний миг. Игнат попятился от испуга, а когда повернулся к двери дома, увидел, что перед ним стоит ктото в плаще. Капюшон скрывал лицо полностью, и лишь изпод него горели красные глаза — не мигая, не дрогнув, будто два уголька в ночи. — Привет, Игнат, — раздался женский голос, мягкий, но с холодом внутри. — Чего молчишь? С девушкой нужно здороваться, а то както невежливо. Или ты удивлён появлением своего друга? А если быть точнее, то его части Игнат пятился по двору, не сводя взгляда с незнакомки. Добрался до сарая и стоящего рядом пня, в котором был воткнут топор. Схватив его за рукоятку, вырвал из пня и замахнулся. Но не успел он до конца замахать, как девушка в плаще схватила ручку топора и вырвала его из рук Игната, отбросив в сторону. Второй рукой она взяла его за грудки и с неожиданной силой швырнула в сторону дома. Игнат, пролетев через весь двор, врезался в палисадник, выбив пару штакетин. Пока он приходил в себя, она уже оказалась рядом. Он пятился назад на руках, а потом вскочил на ноги и помчался что есть сил по деревне. Обернувшись, чтобы посмотреть назад, споткнулся, потерял равновесие, упал, но тут же вскочил и побежал дальше. Сердце колотилось так, будто вотвот выпрыгнет из груди. Он бежал, глазами ища, где спрятаться. Наконец он увидел в конце улицы заброшенный дом — ветхий, с покосившейся крышей и выбитыми окнами. Вскочив в него, он закрыл за собой дверь. Дышал прерывисто, руки дрожали так, что он едва стоял на ногах. Он замер в углу дома, боясь издать хоть звук. Он будто чувствовал её кожей — как будто она уже здесь, рядом, дышит за спиной. Вжался в стену, чувствуя, как брёвна упираются в спину. В ушах стучала кровь, заглушая все звуки. Когда луна озарила крышу и потолок дома, в котором была дыра, Игнат невольно взглянул вверх. И в тот же миг в проёме показалась она. — Как невежливо заставлять даму бегать за собой, — произнесла она с лёгкой издёвкой и укором. — Разве так встречают гостей? Девушка в плаще уже занесла когтистую лапу, готовую ударить, но вдруг замерла. Из темноты донёсся низкий гул, земля дрогнула, словно от далёкого грома. Она зашипела, резко обернулась и исчезла в той же дыре в крыше, растворившись в ночи так же внезапно, как и появилась. Игнат открыл рот, хотел закричать, но вместо крика из груди вырвался лишь хрип. Руки

тряслись так сильно, что он не мог сжать кулаки. Он стоял, прижимаясь к стене, пока первые лучи рассвета не проникли в разбитые окна. На рассвете мужики обнаружили Игната сидящим на лавочке возле своего дома. Рядом, на столбе, всё так же висела голова Федьки, окаймлённая росой. А он сидел с пустым взглядом, смотря вдаль, и на мужиков никак не реагировал. Не произнёс ни единого слова — только смотрел, будто видел что-то за горизонтом, чего другим не дано.

Приезд сыщика

Визит сыщика в имение Быкова. В имении Быкова Артамона всё переполошились с самого утра: дошёл слух, что к барину едет сыщик из Петербурга — да ещё и в чине статского советника. Имение раскинулось на холмистой местности, окружённой густыми смешанными лесами и плодородными полями. Дорога к усадьбе вела через берёзовую аллею, чьи стволы, белые как мрамор, выстраивались в строгий ряд — словно почётный караул для гостей. В конце аллеи, на вершине пологого холма, открывался вид на главное здание — настоящий дворец в стиле неobarocko. Двухэтажный особняк с мансардой был выстроен из светлого камня с вкраплениями красного кирпича. Фасад украшали лепные гирлянды и картуши, полукруглые фронтоны с гербом рода Быковых, балкон на чугунных ажурных опорах с коваными перилами, высокие арочные окна с наличниками и сандриками, а также парадное крыльцо с мраморными ступенями и балюстрадой. Над центральной частью возвышалась небольшая башенка с часами фирмы «Винтеръ» — символом достатка и связи с петербургской модой. Перед домом раскинулся регулярный парк с геометрически подстриженными кустами, фонтанами и мраморными статуями античных богов. От парадного крыльца к пруду вела широкая липовая аллея, вдоль которой стояли чугунные фонари в виде грифонов. За домом начинался пейзажный парк с извилистыми дорожками, мостиками через ручьи, беседками и гротами. В глубине парка — тенистая липовая роща, где летом устраивали пикники. Прислуга носилась по усадьбе: убирала в залах, накрывала стол в парадной столовой, готовила самые изысканные угощения для столь высокопоставленного гостя. В стороне от парадной части располагались службы: конюшни с манежем и каретником — каменные, с башенками и флюгерами; оранжереи с экзотическими растениями: пальмами, лимонами, орхидеями; винодельня с подвалом, где хранились бочки с домашним вином; кухня и прачечная — отдельные каменные здания, соединённые с домом крытыми переходами; дом управляющего, казарма для прислуги, амбары и скотный двор. Сам же Артамон надел самый изысканный свой костюм, поправляя манжеты на рукавах. Любуясь собою в зеркале, Быков обратился к своей супруге Анне: — Как я выгляжу? — Превосходно, свет мой, — ответила она с улыбкой. Артамон стоял у зеркала с улыбкой и размышлял: «Интересно, какими связями можно ещё обзавестись благодаря знакомству с таким человеком в таком чине». Это был грузного телосложения мужчина среднего роста, с носом крючком и карими глазами, схожими со свинными. Крутого нрава — вся прислуга боялась его как огня. Также и крестьяне, жившие в деревне: да, уже было отменено крепостное право, но он относился к ним как к своим рабам. За малейшую провинность практиковал наказание плетьюми. В дом влетел кучер с криками: — Ваше благородие, ваше благородие! — Чего тебе? — со злобой бросил Артамон. — Ваше благородие — кучер пытался успокоить дыхание. Отдышавшись, произнёс: — Едут, едут гости из Петербурга! Барин, взглянув на камердинера, произнёс: — Зови музыкантов — гостей встречать будем. Быков вышел во двор имения и направился к воротам. Прислуга высыпала вслед за ним. Музыканты бегали с инструментами, спотыкаясь на ходу и чертыхаясь. — Сторожа, открыть ворота! — проорал камердинер. — Барин идёт! Артамон, выйдя на дорогу подле усадьбы, в конце улицы увидел приближающийся дормез. Вся прислуга выстроилась по двум обочинам дороги и склонилась в земном поклоне. По мере приближения кареты взгляд Баба Друзцкого скользил по великолепию усадьбы. Он отметил про себя: безупречную стрижку кустов в регулярном парке; блеск мраморных статуй, едва тронутых вечерней росой; горделивую осанку барина, застывшего у крыльца; суетливую спешку при-

слуги, подчёркивающую власть хозяина. Как только дормез въехал во двор, Быков отдал приказ кучеру:— Накормить, разместить и напоить лошадей после дороги!— Слушаюсь, — тут же ответил кучер. Камердинер уже открывал дверь кареты. Первым вышел БабаДруцкий, за ним — порутчик Гравюров.— Добро пожаловать, ваше высококородие! Чем обязаны столь высокому визиту? — вежливо произнёс Артамон и добавил: — Пройдёмте в дом. Музыканты заиграли «Боже, царя храни». Хозяин и гости направились в дом усадьбы. Внутри их встретил просторный вестибюль с мраморной лестницей, зеркалами в золочёных рамах и чучелом медведя у входа. БабаДруцкий на мгновение задержал взгляд на охотничьих трофеях — головы оленей и кабанов украшали стены, напоминая о пристрастиях хозяина. Они прошли в парадную столовую с дубовым резным буфетом, фарфоровым сервизом Императорского завода и портретами предков на стенах. На столе дымился жареный поросёнок, рядом высились пирамиды пирожков с осетриной, а в хрустальных вазах красовались свежие ягоды. Анна, супруга барина, сделала изящный реверанс:— Рады приветствовать вас в нашем скромном доме, — произнесла она с учтивостью, но в глазах читалось любопытство. БабаДруцкий слегка склонил голову:— Благодарим за гостеприимство, милостивые государь и государыня. Нам предстоит обсудить важные дела. Артамон внутренне напрягся, но внешне остался невозмутим. Он махнул рукой:— Всё обсудим за обедом. Прошу к столу — всё уже готово. Слуги засуетились, помогая гостям снять верхнюю одежду. В воздухе витал аромат жареного поросёнка, пирогов с осетриной и свежих ягод. Быков жестом пригласил гостей к богато накрытому столу, мысленно прикидывая, какую выгоду можно извлечь из этого неожиданного визита.

Разговор за обедом За обедом БабаДруцкий отметил про себя, насколько Быков и его жена Анна являются противоположностями. Помещик — старик с отвратительной внешностью, считающий себя пупом земли, — развалился в кресле во главе стола. Он громко хохотал, стучал кулаком по столешнице, заставляя дребезжать фарфор и серебро, и без стеснения отпускал сальные шутки. Время от времени он окликал молоденькую горничную, заставляя её подливать ему вина, и при этом фамильярно похлопывал девушку по руке, а то и по плечу. Анна же, напротив, являла собой образец благородства. Прекрасная девушка лет двадцати пяти на вид, утончённая, с изысканными манерами и кротостью в поведении. Она сидела прямо, едва касаясь вилок блюд, подаваемых услужливыми лакеями, и говорила негромко, с мягкой улыбкой. Но было одно странное «но»: уж очень она была бледной. Кожа словно просвечивалась, сквозь неё проступали тонкие синие жилки на висках и запястьях. В полутени зала её лицо казалось почти прозрачным, а глаза, большие и тёмные, выделялись особенно резко.— Ну что, ваше высококородие, — пробасил Быков, поднимая бокал с бордовым вином, — поведайте, зачем пожаловали в наши края? Неужто ради красоты наших пейзажей? Хаха! БабаДруцкий сдержанно улыбнулся:— Визит мой носит служебный характер, Артамон Петрович. Расследую дело о пропажах в окрестных деревнях.— Пропажи? — Быков наморщил лоб. — Ах да, помню, чтото такое болтали Но ято тут при чём? У меня всё на учёте, ни одна курица не пропадёт без моего ведома! Анна слегка повернула голову к мужу:— Дорогой, может быть, мы могли бы чемто помочь господину статскому советнику? — её голос звучал мягко, но в нём чувствовалась скрытая твёрдость.— Помочь? — Быков фыркнул. — Ты, милая, в дела мужские не мешайся. Пусть господин сыщик сам разбирается. А мы лучше выпьем за здоровье государя! Он снова поднял бокал и сделал большой глоток, затем подмигнул горничной:— Эй, Машка, подайка осетринки! Да поближе подойди, не бойся! Девушка покраснела и потупила взгляд, поспешно переставляя блюдо. Анна едва заметно вздохнула, но промолчала. Её пальцы, тонкие и белые, слегка дрогнули на краю салфетки. БабаДруцкий наблюдал за этой сценой с холодным вниманием. Он отметил: как Анна старается не смотреть на поведение мужа; как она время от времени касается пальцами виска, будто у неё болит голова; как её взгляд на мгновение встречается со взглядом горничной — в нём читается сочувствие и какаята затаённая тревога.— Скажите, Артамон Петрович, — спокойно произнёс БабаДруц-

кий, — вы не замечали ли чеголибо необычного в последнее время? Станных людей, ночных огней, какихто слухов среди крестьян? Быков махнул рукой:— Крестьяне — народ тёмный, вечно им чтото мерещится. То леший, то домовый, то ещё какая нечисть. Я им строго настрого запретил болтать всякой ерундой. Дисциплина, сударь, дисциплина — вот залог порядка! Анна подняла глаза на гостя:— Простите мужа, ваше высокородие. Но, признаться, я и сама слышала коекакие разговоры. Будто в лесу по ночам видят красные огни— Молчи, женщина! — рявкнул Быков. — Нечего басен распространять! Она опустила взгляд, но БабаДруцкий успел заметить в её глазах не страх, а скорее досаду и усталость. «Интересная пара, — подумал он. — Тиран и жертва. И, кажется, жертва куда умнее, чем хочет казаться» Поручик Гравюров, до этого молчавший и внимательно изучавший сервис, осторожно добавил:— А не могли бы вы, милостивая государыня, рассказать подробнее про эти огни? Анна помедлила, бросила быстрый взгляд на мужа — тот как раз отвлекся на новое блюдо — и тихо ответила:— Говорят, они появляются над старой мельницей. Но я сама, конечно, не видела Быков громко захохотал:— Вот видите, господин сыщик? Бабы рассказы! А вы, Анна, лучше бы следили за хозяйством, а не слушали болтовню деревенских дурочек! БабаДруцкий кивнул, делая мысленную пометку: «Старая мельница. Красные огни. Проверить». Обед продолжался, но теперь чиновник уже не столько следил за блюдами, сколько изучал хозяев имения — их жесты, взгляды, интонации. Контраст между ними был столь разителен, что невольно напрашивался вопрос: что же на самом деле скрывается за фасадом этого богатого дома?

Конная прогулка

Конная прогулка и мельник Осип После обеда гостей распределили в гостевой дом. Все вещи поручика и БабаДруцкого были уже доставлены в комнаты прислугой. Гостевой дом был немного скромнее барского, но тоже не лишён изыска — истинная «скромность богача», как любил говорить Аркадий Семёнович. В комнате, где поселили БабаДруцкого, располагались: двуспальная кровать с высоким резным изголовьем и пуховым одеялом, взбитым с педантичной аккуратностью; шкаф из тёмного дуба с зеркальными дверцами, в которых поблескивали отсветы вечернего солнца; рабочий стол из красного дерева с чернильным прибором, стопкой чистой бумаги и песочницей — словно приглашал к размышлениям и записям; тумбочка с зеркалом в бронзовой оправе, чуть потускневшей от времени; мягкий ковёр у кровати, приглушавший шаги и создававший ощущение уюта. Служанка, которая заправляла кровать, сменив при этом постельное бельё с едва заметной монограммой, сообщила, что ужин будет в семь вечера, и попросила не опаздывать. Произнесла она это с поклоном, но в глазах читалась некоторая настороженность — будто предупреждала: «В этом доме лучше не нарушать распорядка». Взяв необходимые вещи и переодевшись для конной прогулки, БабаДруцкий и поручик направились к конюшне, где их уже ждал конюх, приготовивший для верховой поездки лошадей. Аркадий Семёнович выбрал чёрную как смоль кобылку с блестящей шерстью и живыми, умными глазами — она переступала с ноги на ногу, будто предвкушая скачку. Гравюрову достался пепельный с чёрными вкраплениями мерин — спокойный, с широкой спиной и крепкими ногами, словно созданный для долгих переходов. Выехав со двора, они направились в сторону ближайшей деревни, где, по сообщениям, пропало несколько коров и пара собак у местных жителей. Пока лошади шли шагом по грунтовой дороге вдоль золотистых полей, БабаДруцкий обратился к поручику: — Как вам контраст между супругами — барином и его женой? Гравюров, поправив фуражку и поёрзав в седле, ответил: — Контраст огромный: деспот и жертва, старик и молодая девушка. Она словно цветок в клетке — бледная, утончённая, а рядом — этот Быков. — Да, много странностей в этом имении, — задумчиво добавил БабаДруцкий. — Обратите внимание: Анна, кажется, знает больше, чем говорит. А бледность её — он сделал паузу, — впрочем, может, это веяние современной моды. Нынешние дамы почитают за красоту мраморную белизну кожи. Говорят, даже свинцовые белила употребляют, лишь бы не быть румяными, как крестьянки. Поручик хмыкнул: — И в самом деле, нынче бледность — признак благородства. Но всё же в её случае она какаято слишком бледная. Словно она не из этого мира, а из какого-то другого. Аркадий Семёнович кивнул: — Любопытно. Очень любопытно. Будем наблюдать. Их путь пролегал вдоль полей, засеянных пшеницей, мимо роши, где щебетали птицы, и рядом с ветряной мельницей. — А мельницато потрепана временем, — заметил поручик, разглядывая покосившуюся конструкцию с обвисшими парусами. — Что это за мельник, что так относится к сооружению, от которого зависит многое в деревне? — Вот это мы и узнаем, — ответил Аркадий Семёнович, указывая хлыстом в сторону старика в льняной рубахе, портах, лаптях и соломенной шляпе, который как раз затаскивал мешки с повозки. БабаДруцкий прищпорил лошадь и направился к мельнику. Гравюров последовал за ним. — Добрый день, отец, — приветствовал мельника Аркадий Семёнович. — Не подскажите, кто здесь отвечает за мельницу? Старик выпрямился, вытер руки о рубаху и поднял глаза: — Я и отвечаю, барин. Мельник я — Осип. — Вижу, дела идут не лучшим образом, — БабаДруцкий окинул взглядом обветшалую конструкцию. — Неужто хозяин имения не выделяет средств на ремонт? Осип вздохнул, покосился по сторонам и тихо ответил: — Выделяет, да только не доходит оно до мельницы. Быковто наш всё в город отправляет, а нам крохи остаются. Да и то — он замолчал, прикусив губу. — Говорите смело, — подбодрил его Аркадий Семёнович. — Мы здесь, чтобы разобраться с пропажами в деревне. Может, и ваша мельница както связана

с этим? Мельник огляделся ещё раз, понизил голос:— Сказывают, по ночам тут огни красные видят. У самой плотины. И собаки перед пропажей всё выли, да так жутко — аж мороз по коже. Гравюров переглянулся с БабаДруцким.— Красные огни? — переспросил поручик. — Где именно?— У старой плотины, за мельницей, — прошептал Осип. — Я сам не видал, но мужики говорят — будто кто-то там ходит. Не человек, а тень с глазами огненными.— А что с крестьянами? — внезапно сменил тему БабаДруцкий. — Как они живут под началом Быкова? Осип горько усмехнулся, окинув взглядом поля:— Да как живут Быков установил такую ренту за аренду земли, что люди еле концы с концами сводят. Думают: или на посев что оставить, или с голоду не умереть. А сам катается как сыр в масле, этот Быков. В городе у него дома, в Петербурге родня важная, а мы тут — как сорняки на обочине: растим хлеб, а едим мякину.— И никто не жалуется? — уточнил Гравюров.— Кому жаловаться? — махнул рукой Осип. — Он тут и судья, и закон. Кто слово против скажет — того плетью. Да ещё и долг накинёт за «непослушание». Вот и молчим. А пропажи эти Может, это нам знак свыше? Или наказание за то, что терпим тирана? Аркадий Семёнович достал блокнот и сделал пометку: «Плотина за мельницей. Красные огни. Проверить ночью. Изучить вопрос ренты Быкова».— Спасибо, Осип. Если вспомните ещё что-то — дайте знать. Мы остановимся в гостевом доме у Быкова. Мельник кивнул, снова взялся за мешок, а БабаДруцкий развернул лошадь.— Что думаете, Александр Степанович? — спросил он у поручика.— Похоже, слухи не врут, — отозвался Гравюров. — Но кто стоит за этими огнями? И как это связано с пропажами?— Скоро узнаем, — твёрдо сказал Аркадий Семёнович. — А пока — продолжим опрос жителей деревни. Они двинулись дальше, оставляя за собой мельницу и задумчивого мельника, а впереди уже виднелись крыши деревенских домов.

Смерть в подвале

— Ааа! Ааа! Помогите! — прокричала Маша, когда нечто волокно её за волосы по земле. Ветки и камни царапали спину, а в ушах стоял гул, будто сама земля стонала от ужаса. В тот же миг кто-то ударил её по голове — глухой, тяжёлый удар, от которого мир на секунду вспыхнул ослепительной белизной, а затем погрузился во тьму. Пришла в себя она только в непонятном помещении с каменными стенами, покрытыми плесенью и странными символами, будто выцарапанными ногтями в агонии. Тускло горевшие факелы отбрасывали дрожащие тени, которые, казалось, шевелились сами по себе — то вытягивались, то сжимались, словно живые существа. Воздух был пропитан запахом сырости, гнили и чего-то ещё — сладковатого, тошнотворного, будто где-то рядом разлагалось что-то давно мёртвое. Маша чувствовала, как кровь приливает к голове — та кружилась, подступала тошнота, а рана на затылке пульсировала острой, рвущей болью. Её ноги были связаны грубой верёвкой, и за них она была подвешена за крюк на потолке помещения. Тело висело под странным углом, мышцы рук и плеч уже начинали неметь от напряжения. Перед глазами всё плыло и крутилось — медленно, мучительно, будто её кружат на карусели, которая никогда не остановится. Она попыталась пошевелиться, но без толку: верёвки держали крепко, врезаясь в кожу, оставляя на запястьях кровавые полосы. — Привет, Машенька, — раздался голос из темноты. Низкий, шипящий, с нотками извращённого удовольствия. Маша дёрнулась, застонала от боли и взвыла: — Пощадите Прошу вас Я никому ничего не расскажу Отпустите Я ничего не видела Ничего не знаю Из мрака выступила женщина в чёрном плаще. Капюшон скрывал лицо, лишь бледные губы и острый подбородок виднелись в проёме тени. Её пальцы, длинные и тонкие, как паучьи лапы, сжимали хрустальный бокал — тот мерцал в свете факелов, отражая багровые блики. — Ну уж нет, — прошипела незнакомка, медленно приближаясь. Её шаги звучали едва слышно, но каждый отдавался в голове Маши глухим стуком. — Такой изысканный вкус Я ни за что не отпущу. Ты ведь знаешь, что кровь молодых девственниц — самая сладкая? — Ннет — прошептала Маша, чувствуя, как слёзы катятся по щекам. — Пожалуйста У меня мама больна Ей нужны лекарства Я всего лишь горничная, я ничего не знаю Незнакомка резко оборвала её: — Молчи. Твои мольбы лишь портят момент. Подойдя вплотную, она подтянула путы выше, освобождая вены на предплечье. Затем поднесла сосуд и медленно, нарочито медленно, полоснула ногтем по коже. Ноготь оказался острым, как лезвие, и тонкая струйка крови потекла в сосуд, падая каплями — кап кап — Слышишь? — прошептала женщина, наклоняясь к самому уху Маши. — Это музыка моей души. Каждая капля — нота. Каждый крик — аккорд. Существо поднесло бокал к губам и, прикрыв глаза, с наслаждением начало потягивать кровь, смакуя каждый глоток. — Не дёргайся, — прошипела она, вновь приближаясь. — Будешь дёргаться — будет больше, и кровь разбрызгаешь, а я её хочу собрать побольше. Мне нужно ровно двенадцать капель левой руки и столько же — правой. Ритуал требует точности. Поднеся тазик, существо поставило его снизу, под телом Маши. Затем ногтем вскрыло вены на второй руке — так же неторопливо, с какой-то извращённой аккуратностью. Кровь потекла сильнее, застучав по металлу тазика частым ритмом. — Зачем?.. — выдохнула Маша, чувствуя, как силы покидают её. — Что вы делаете?.. — О, милая, — женщина улыбнулась, и в этой улыбке не было ничего человеческого. — Я дарю тебе вечную жизнь. В моей памяти. В моём бокале. В моих венах. Маша попыталась закричать, но из горла вырвалось лишь: — Поща — а дальше — бульканье, хрип. Тело ещё несколько раз вздрогнуло в последних предсмертных конвульсиях, затем обмякло. Существо замерло, разглядывая свою работу. Оно поднесло хрустальный бокал к свету факела, любуясь рубиновым оттенком жидкости, и тихо, почти нежно, произнесло: — Спасибо, милая. Ты была прекрасна. Оно сделало ещё один глоток, затем повернулось к выходу. Плащ зашуршал по каменному полу, шаги затихли в глубине подвала, а факелы продолжали мерцать, отбрасывая злое-

щие тени на безжизненное тело, подвешенное под потолком. В тишине было слышно лишь, как капли крови всё ещё падают в тазик: кап кап кап.

Прогулка у озера
Проснувшись рано утром с первыми лучами солнца, Аркадий Семёнович БабаДруцкий оделся без спешки — неторопливо, как человек, привыкший ценить каждую минуту и не растрчивать силы попусту. Выйдя во двор, он направился к берегу пруда, где мелкая рыбёшка, будто радуясь наступившему дню, то и дело выпрыгивала из воды, оставляя на зеркальной глади круги, быстро таявшие в утренней дымке. Добравшись до берега, БабаДруцкий снял обувь и, ступив босыми ногами на траву, прикрыл на мгновение глаза. Роса была холодной, почти ледяной, но эта резкая свежесть бодрила, прогоняя остатки сна. Это был один из его любимых ритуалов — побродить в одиночестве, ощущая под ступнями живую, влажную землю. В такие минуты к нему всегда приходили самые ясные мысли, и он не раз говорил, что именно так, без сапог и мундира, лучше всего чувствуется пульс жизни. Он не успел как следует насладиться тишиной и своими размышлениями, когда изза раскидистой ивы показалась Анна. Она двигалась плавно, почти бесшумно, и на миг Аркадию Семёновичу показалось, что перед ним не живая женщина, а фарфоровая статуэтка, случайно ожившая в этом сонном имени. Анна была одета, как подметил про себя статский советник, с изысканной строгостью — в платье с корсетом на манер императрицы Марии Фёдоровны, подчёркивавшим хрупкость её фигуры. На голове у неё красовалась аккуратная шляпка белого цвета со страусиным пером, слегка наклонённая вперёд, а в руках она держала лёгкий зонтик, которым прикрывалась от солнечных лучей, хотя те ещё не успели стать по-настоящему жаркими. — Доброе утро, ваше высокородие, — поздоровалась она негромко, чуть склонив голову. Голос её звучал мягко, но в нём угадывалась скрытая твёрдость. — Доброе утро, сударыня, — ответил БабаДруцкий, слегка поклонившись. — Ах, прошу вас, Аркадий Семёнович, — поспешно добавила Анна, чуть нахмурив тонкие брови. — Обращайтесь ко мне просто «Анна». Мне так привычнее слышать, и я так себя комфортнее чувствую. В этом доме и без того слишком много церемоний. — Как вам будет угодно, Анна, — спокойно согласился БабаДруцкий. — Прекрасная погода, не находите? В столь великолепном виде рассвет особенно хорош. — Да, — тихо отозвалась она, глядя кудато вдаль, поверх водной глади. — Рассвет здесь всегда особенный. Будто весь мир на миг замирает, чтобы собраться с силами перед новым днём. — А я вижу, вы гуляете босиком по траве утром, — заметила Анна, слегка улынувшись, но улыбка вышла невесёлой, словно ей было жаль нарушать эту минуту уединения. — Всенепременно, — кивнул Аркадий Семёнович. — Это позволяет проснуться и чувствовать себя бодро весь день. Да и врачи советуют: говорят, полезно для здоровья — связь с землёй, так сказать. Если хотите, попробуйте. Ощущение весьма отрезвляющее. — Всенепременно, но не сегодня, — покачала головой Анна, крепче сжав ручку зонтика. — Не сегодня. Так они болтали около часа — о пустяках, о погоде, о старинных обычаях, о том, как меняется свет на воде в разное время суток. Разговор тек легко, почти непринуждённо, но Аркадий Семёнович не упускал ни одной детали. Он подметил, что Анна, говоря с ним, время от времени чуть наклоняла голову, словно прислушивалась не столько к словам, сколько к интонациям. Её взгляд скользил по его лицу, задерживался на жестах, будто она пыталась разгадать в них что-то важное — скрытый смысл, тайное намерение, намёк на истинные цели его приезда. Она рассматривала его с каким-то непонятным интересом, изучая язык его жестов, словно перед ней был не просто статский советник, а сложный шифр, который ей непременно нужно было разгадать. И в этом внимании не было ни кокетства, ни простой женской любознательности — только напряжённая, почти отчаянная сосредоточенность человека, для которого от ответа на этот вопрос зависит слишком многое. «Что же ты ищешь во мне, милая Анна?» — мысленно спросил БабаДруцкий, но вслух лишь улыбнулся и перевёл разговор на что-то совсем безобидное — на цвет утреннего неба, на пение птиц, на то, как быстро рассеивается туман над прудом. А про себя отметил в блокноте, едва заметно

достав его из кармана и сделав короткую запись: «Анна. Чрезмерное внимание к моим словам и жестам. Знает чтото или боится, что я узнаю?»

Шахматная партия

После завтрака поручик Гравюров, потирая руки с мальчишеским азартом, предложил БабаДруцкому сыграть в шахматы. Аркадий Семёнович, скрывая улыбку, кивнул: он знал, что для Гравюрова шахматы — не просто игра, а поле брани, где можно доказать свою состоятельность без единого выстрела. Партию устроили в гостиной, на тяжёлом ломберном столе красного дерева, где шахматная доска казалась миниатюрной ареной, а фигуры — армиями, готовыми к решающему сражению. Щёлкнули часы, запуская отсчёт времени на раздумье; каждый ход игроки аккуратно заносили на листок бумаги — не столько для памяти, сколько из уважения к самой игре, к её строгой, почти ритуальной точности. Вскоре вокруг стола начали собираться зрители. Сначала осторожно, будто боясь помешать, подошла прислуга: лакеи, горничные, даже кухарка, вытерев руки о фартук, встала в дверях, не сводя глаз с доски. Затем явился и сам барин Быков — грузный, шумный, он сразу занял место у плеча Гравюрова, а рядом тут же пристроился его камердинер. Они перешёптывались, горячо обсуждая каждый ход, и Быков то и дело хмыкал, будто сам мог бы сыграть лучше. Даже Анна появилась — тихо, незаметно, словно тень, встала чуть поодаль, держа в руках тот самый белый зонтик, будто он служил ей защитой не от солнца, а от излишнего внимания. Её взгляд был спокоен, но в нём читался острый, почти научный интерес. Аркадий Семёнович играл неторопливо, с достоинством человека, привыкшего взвешивать каждое решение. Гравюров же, напротив, действовал порывисто, но расчётливо: его пальцы то и дело тянулись к фигуре, замирали, отдёргивались, снова тянулись — в нём кипел азарт, и БабаДруцкий это видел. И вот на двадцать втором ходу Гравюров надолго задумался. Он склонился над доской, постукивая пальцами по колену, потом вдруг выпрямился, взял карандаш и чётко вывел на листке: «Ладья e1». Листок он положил на край стола — нарочито небрежно, но так, чтобы Аркадий Семёнович непременно его заметил. БабаДруцкий скользнул взглядом по записи, едва заметно приподнял бровь, но ничего не сказал. Вместо этого он неторопливо поднялся из-за стола, потянулся, будто разомлев от утреннего тепла, и, как бы между прочим, подошёл к Быкову. — Любопытная нынче погода, Артамон Петрович, — непринуждённо заговорил Аркадий Семёнович. — Говорят, к осени будет сурово. А вы как полагаете? Быков, явно польщённый тем, что статский советник снизошёл до беседы, тут же пустился в рассуждения о дождях, урожае и ценах на зерно. Они перекинулись парой фраз — о пустяках, о делах имения, о столичных новостях, — и Аркадий Семёнович смеялся в нужных местах, будто и впрямь был поглощён этой болтовнёй. Гравюров следил за этой сценой из-за доски, хмурясь всё сильнее. Он то и дело поглядывал на листок с записью, потом на БабаДруцкого, потом снова на доску. Наконец, не выдержав, он резко зачеркнул строчку «Ладья e1» и, сделав над собой усилие, передвинул другую фигуру. Аркадий Семёнович вернулся к столу, окинул доску быстрым взглядом, будто впервые её видел, и продолжил игру. Его ходы стали чуть быстрее, увереннее, словно он наконец сбросил маску праздного собеседника и вновь стал тем, кем и был — расчётливым, хладнокровным стратегом. Партия стремительно покатила к финалу, и вскоре Гравюров был вынужден признать поражение. Они пожали друг другу руки — крепко, помужски, без обиды. И всё же в глазах поручика читалось лёгкое недоумение. — Скажите, Аркадий Семёнович, — не удержался он, когда зрители, оживлённо обсуждая партию, начали расходиться, — отчего вы не обратили внимания на мой записанный ход? Ведь «ладья e1» вела к ничьей. Я нарочно его записал, чтобы проверить вашу реакцию. БабаДруцкий чуть склонил голову, в глазах мелькнула усмешка — не насмешливая, а скорее одобрительная. — А я и обратил, Александр Степанович, — спокойно ответил он. — Просто не подал виду. — Но почему? — искренне удивился поручик. — Вы могли показать, что видите ловушку. — Видите ли, — Аркадий Семёнович говорил размеренно, подбирая слова, — я подметил одну вашу привычку: вы сперва делаете ход, а уж потом записываете его. Здесь же

вы поступили наоборот. Отсюда вывод: вы хотели увидеть мою реакцию — это раз. Он сделал паузу, давая Гравюрову время осмыслить сказанное. — Ход этот действительно вёл к ничьей, и я понимал: если я хоть бровью поведу, вы тут же сообразите, что он верный, и отыщете другой вариант, чтобы заставить меня врасплох. А мне не хотелось лишать вас этой маленькой иллюзии преимущества — это два. Поручик слушал, слегка покраснев, но не от обиды, а от досады на собственную оплошность. — И, наконец, — добавил БабаДруцкий, чуть понизив голос, — я не проигрываю в шахматы. Да и в любые другие игры — это три. Но главное не в этом. Главное — уметь видеть не только фигуры на доске, но и того, кто их двигает. Анна, стоявшая неподалёку, чуть крепче сжала ручку зонтика и тихо вышла из комнаты, оставив за собой едва уловимый аромат лаванды. Аркадий Семёнович проводил её взглядом, а потом, словно вспомнив о чёмто важном, достал свой блокнот и сделал короткую пометку: «Гравюров. Азартен, но наблюдателен. Может быть полезен. И быть осторожнее в демонстрации превосходства...»

Беседа сыщиков В полдень, когда солнце уже стояло в зените и даже тени под липами стали короткими и плотными, Аркадий Семёнович, проходя мимо кухни, невольно замедлил шаг. Сквозь приоткрытую дверь доносился приглушённый, торопливый шёпот — будто кто-то боялся, что стены услышат. — Со вчерашнего вечера исчезла, словно сквозь землю провалилась, — тихо, но с дрожью в голосе произнесла одна из кухарок. — Может, сбежала? — отозвалась другая, понизив голос до едва слышного бормотания. — Не выдержала приставаний барина Уж больно он падок на молодых. БабаДруцкий остановился, не шевелясь, будто сливаясь с тенью у стены. Он не любил подслушивать, но в сыском деле случайный обрывок разговора иной раз значил больше, чем официальный допрос. Когда голоса стихли, он достал из внутреннего кармана свой неизменный блокнот, щёлкнул крышечкой серебряного карандаша и коротко записал: «Разбраться в пропаже горничной Марии». Строчка легла на страницу сухо и чётко, без лишних слов — как приговор, который ещё предстояло обосновать. Он направился к комнате Гравюрова. Подойдя к двери, постучал — не громко, но твёрдо, поделовому. Из комнаты донеслось: — Войдите! Статский советник толкнул дверь и вошёл. Поручик сидел за столом, склонившись над подшивкой местной газеты за последний год. Страницы были аккуратно подшиты, но коегде углы загибались — видно, что Гравюров не раз возвращался к этим заметкам. Перед ним лежали карандаш, промокашка и листок, исчерканный пометками. — А, это вы, Аркадий Семёнович! — Гравюров поднял глаза, в них читалось напряжение человека, который наконец ухватил какуюто важную мысль. — А я вот изучаю местную газету. И вот странное дело: первые упоминания о пропажах скота были в январе этого года. А вот первое упоминание о пропаже человека — в марте. Не находите странным столь большой разрыв в хронологии событий? БабаДруцкий прикрыл за собой дверь, подошёл к столу и, не садясь, внимательно посмотрел на вырезки. — Нахожу, — спокойно ответил он. — И этот разрыв может быть куда значительнее, чем кажется. Скот — это хозяйство, на него обращают внимание сразу. А пропажу горничной — он чуть помолчал, подбирая слова, чтобы не звучать цинично, — её могут и не замечать неделями. Особенно если она из тех, кого в этом доме привыкли не видеть. — То есть вы хотите сказать, что люди могли пропадать и раньше, но об этом просто не писали? — нахмурился поручик. — Именно, — кивнул Аркадий Семёнович. — Газеты фиксируют лишь то, что становится достоянием общества. А в таких имениях многое остаётся за закрытыми дверями. — Тогда получается, что мы ищем не начало, а лишь верхушку айсберга, — задумчиво протянул Гравюров. — Так и есть, — подтвердил БабаДруцкий. — Но сейчас у нас есть новая зацепка. Я хотел предложить снова отправиться на лошадях в деревню, поговорить с жителями — что они видели или слышали. Но открылись новые подробности дела. — Какие же? — уточнил поручик, откладывая газету. — Горничная Мария пропала, — ответил Аркадий Семёнович ровным тоном, но в нём чувствовалась тяжесть новости. — А, это та, к которой за обедом барин приставал? — тут же вспомнил Гравюров, и в его голосе проскользнуло раздражение. — Да, та самая, — сухо подтвердил БабаДруцкий. — Вы останетесь здесь

и постарайтесь расспросить прислугу подробнее о случившемся. Узнайте, кто последним её видел, куда она собиралась, не говорила ли о побеге. Только делайте это осторожно — если в доме есть тот, кто причастен к её исчезновению, лишнее любопытство может спугнуть его. Поручик кивнул, сжав губы. — Сделаю, Аркадий Семёнович. Ни слова лишнего, только вопросы по делу. — Отлично, — одобрил БабаДруцкий. — А я отправлюсь в деревню. Хочу поговорить со старостой и теми, кто ходит к плотине у мельницы. Если мельник Осип прав насчёт красных огней, возможно, крестьяне что-то видели в ту ночь. Он уже повернулся к выходу, но вдруг остановился и, чуть помедлив, добавил: — И, Александр Степанович если будете говорить с Анной — она наблюдательна и, кажется, многое замечает, но не спешит делиться. Попробуйте вызвать её на откровенность. Только не давите. Она как испуганная птица: при резком движении улетит и уже не вернётся к разговору. Гравюров снова кивнул, на этот раз с лёгкой улыбкой: — Понял. Тонкость и такт — моё второе имя. Аркадий Семёнович едва заметно усмехнулся: — Рад слышать. Тогда до вечера. С этими словами он вышел, прикрыв за собой дверь. В коридоре пахло воском и лавандой — запах опрятного, благополучного дома, который так не вязался с тем, что скрывалось за его фасадом. БабаДруцкий поправил шляпу, глубоко вдохнул и направился к конюшне, зная, что каждый его шаг теперь должен быть выверен, как ход в той самой шахматной партии, где на кону — не победа, а чьято жизнь.

Десятник

Разговор с деревенским десятником. Добравшись до деревни, Аркадий Семёнович остановил лошадь у околицы. Солнце уже клонилось к закату, длинные тени ложились на утоптанную землю, и воздух был наполнен привычными деревенскими запахами: дымом, сеном, конским потом. Вокруг тут же собрались мужики — не толпой, а так, по-деревенски осторожно, вполглаза, будто боялись спугнуть удачу. БабаДруцкий снял шляпу, вытер платком лоб и поинтересовался, где найти десятника. Один из мужиков, бородатый, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, махнул рукой в сторону крайнего двора:— Да тут недалече. Эй, Ванька! — окликнул он паренька лет пятнадцати на вид. — Сопроводи его благородие до дома десятника. Парнишка кивнул, юркнул вперёд и уже через минуту вбежал во двор, крича на весь хутор: — Михаил Васильевич, к вам пожаловали! На крыльцо вышел невысокий старик с клюкой. Глаза у него были колкие, с прищуром, будто он всю жизнь привык всматриваться в даль, выискивая беду ещё до того, как она постучится в ворота. Окинув Аркадия Семёновича цепким взглядом, он негромко спросил:— С чем пожаловали, ваше благородие?— Аркадий Семёнович БабаДруцкий, статский советник, — представился БабаДруцкий, спешившись и держа шляпу в руке — жест, который в этих местах понимали как знак уважения. — Нахожусь с особым поручением генералмайора и веду следствие о пропаже людей и скота в ваших деревнях. До меня довели, что у вас здесь было странное убийство и только часть тела была обнаружена. Десятник тяжело вздохнул, оперся на клюку и чуть наклонил голову, словно взвешивая, стоит ли вообще говорить об этом.— Было дело, — наконец произнёс он. — Страшное да и странное. Найдена только голова убиенного Федыки. А обнаружена она была на столбе забора местного жителя Игната. Он на секунду замялся, будто подбирая слова, чтобы не накликать беду.— Да и сам Игнат был обнаружен в удручающем состоянии. Такое чувство, что черта увидел. С тех пор не говорит. Ни слова. Только смотрит — и в глазах такой ужас, что и сказать нельзя.— Урядник с врачом из полиции приезжали? — уточнил Аркадий Семёнович.— Приезжали, — кивнул десятник. — Осматривали, изучали, документировали что-то. Да толку — ноль. Пришли к выводу, что, скорее всего, Федыку медведь задрал.— Медведь? — переспросил БабаДруцкий, чуть приподняв бровь.— Вот и я говорю, — Михаил Васильевич хмыкнул, но в этом звуке не было веселья, одна горечь. — Я на своём веку в наших краях медведей не видывал. Леса тут не те, да и зверь этот у нас не водится.— А что народ говорит? — спокойно спросил Аркадий Семёнович, не сводя с десятника внимательного взгляда. Старик покосился по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли кто, и понизил голос:— Местные шепчутся, что Федыку нечисть прибрала. Мол, грехи его велики были: пил без просыпу, буянил, всякого в деревне наворотил. Вот, дескать, и настигла кара. БабаДруцкий помолчал, обдумывая услышанное. В деревнях всегда любили объяснять необъяснимое нечистой силой — так было проще жить с ужасом, который не укладывался в привычные рамки. Но он знал: за каждой легендой нередко прячется вполне земная, пусть и куда более страшная правда.— А Игнат, тот самый, у чьего забора нашли голову — медленно проговорил Аркадий Семёнович. — Где его можно увидеть? Десятник снова вздохнул, на этот раз тяжело, будто поднимал непомерную ношу.— Дома он. Сидит на лавке у окна, смотрит в одну точку. Жена кормит с ложки, как малого ребёнка. Если хотите, провожу. Только не ждите от него слов. Он с той поры словно душу свою где-то оставил. Аркадий Семёнович кивнул:— Проводите. Иногда молчание говорит громче любых признаний. Они двинулись по узкой тропинке между избами. БабаДруцкий шёл рядом с десятником, прислушиваясь не столько к его словам, сколько к тишине деревни, которая вдруг показалась ему неестественно густой — будто сама земля затаила дыхание, храня страшную тайну, которую никто не решался произнести вслух.

Покушение

Стрельба в деревне. Добравшись до дома Игната и увидев столь удручающую картину, Аркадий Семёнович не сразу решился нарушить эту тягостную тишину. Игнат сидел на лавке у окна, прямой, будто деревянный, и смотрел в одну точку — не на гостя, не на стену, а куда-то сквозь всё сущее. БабаДруцкий попытался всё же расспросить его, подбирая слова, способные пробиться сквозь пелену ужаса:— Скажите, Игнат хоть знак какой подайте: кивните, моргните. Что вы видели той ночью? Что заставило вас онеметь? В ответ — лишь молчание. Тяжёлое, плотное, словно оно само было вещью осязаемой. Но Аркадий Семёнович не отводил взгляда. Он смотрел не на лицо, а в глаза, где, как он знал, страх оставляет следы, не стираемые годами. И там, в глубине, он прочёл то, что позже аккуратно записал в свой блокнот: «В глазах читается животный страх. Что же такого он увидел? Что могло напугать взрослого и здорового мужика до полусмерти?» Когда они с десятником вернулись к его дому, было уже около полуночи. Небо затянуло тучами, звёзды прятались, и даже луна, казалось, стыдилась светить в эту ночь. Они расстались: БабаДруцкий, усевшись в седло, отправился в имение Быкова, а десятник, тяжело опираясь на клюку, пошёл к себе, бормоча что-то про дурные приметы и недобрые ночи. Доехав до мельницы, Аркадий Семёнович вдруг ощутил холодок досады: в кармане не было привычного объёма блокнота. Он торопливо похлопал по карманам, будто надеясь, что вещь могла просто сместиться, но тщетно. Блокнот был утерян. А в нём — все заметки, все ниточки, которые он так старательно собирал. Без них следствие могло рассыпаться, как карточный домик от лёгкого дуновения. Решив не терять времени, БабаДруцкий повернул лошадь обратно к дому десятника. Но не успел он проехать и нескольких саженей, как животное вдруг переполошилось: захрапело, забрыкалось, закрутилось на месте, отказываясь идти вперёд, будто чуяло беду. Аркадий Семёнович знал: лошади чувствуют то, чего не видят люди, — запах крови, близость смерти, дыхание зла. Он не стал мучить животное, слез, привязал его за несколько дворов к забору и дальше пошёл пешком. Чем ближе он подходил к дому десятника, тем отчётливее слышал, что во дворе творится нечто странное. Пёс, который ещё вечером спокойно дремал в своей будке, теперь разрывался не своим голосом: лаял, срываясь на визг, скулил, будто его резали без ножа. К этому примешивались иные звуки — тяжёлые, глухие, будто кто-то боролся с невидимой силой. Гремело железо, трещали доски, хрустело дерево. Не теряя ни секунды, Аркадий Семёнович выхватил из кобуры револьвер «Смит и Вессон», взвёл курок и, перепрыгнув через низкую калитку, ворвался во двор. В неверном свете луны он успел заметить фигуру в чёрном плаще — она склонилась над десятником. Михаил Васильевич хрипел, дёргал руками, пальцы его дрожали, но не могли сжаться в кулак — силы покидали старика. БабаДруцкий не стал кричать, не стал тратить время на вопросы. Он нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел. Фигура вздрогнула, отпрянула от тела и бросилась прочь — с такой скоростью, что Аркадий Семёнович на миг усомнился, человек ли это был. Он бросился следом, стреляя на ходу, но после двух сухих щелчков понял: барабан пуст. Остановившись, он прислушался. Ночь снова стала тихой — только пёс всё ещё скулил где-то в темноте. БабаДруцкий вернулся к десятнику. Тот сидел, прислонившись к углу крыльца, держась за горло, будто пытался удержать в себе жизнь. Аркадий Семёнович опустился рядом на колени, быстро осмотрел старика, насколько позволял скудный свет.— Кто это был? Что он от вас хотел? — спросил он, стараясь говорить спокойно, чтобы не напугать и без того измученного человека. Десятник, потирая шею хриплым, надтреснутым голосом, едва слышно ответил:— Это сам чёрт был. Глаза красные, зубы — как иглы, острые, как бритва. Да и укусить он меня хотел. БабаДруцкий помог ему встать, завёл в дом, усадил на лавку, набросил на плечи тулуп. Убедившись, что старику ничего не грозит в ближайшие минуты, он уже собрался уходить, но десятник вдруг окликнул его:— Стой. Вот, нашёл подле калитки Ваше, наверное? —

и протянул Аркадию Семёновичу его блокнот. Рука десятника дрожала, когда он передавал вещь. И тут он добавил, будто вспомнив что-то важное:— Да и это не он а она. Голос бабский был. Тихий, но такой ледяной, что кровь стыла. Эти слова ударили по сознанию БабаДруцкого, как ещё один выстрел. Женщина Но он не позволил себе сейчас поддаться догадкам. Вернулся БабаДруцкий в имение уже за полночь. У конюшни его ждали: сам Быков и конюх.— А мы уж собирались на поиски высылать, — хмуро произнёс барин, глядя на Аркадия Семёновича с нескрываемым раздражением, смешанным с облегчением. — Где вас носило до такой поры? Когда Аркадий Семёнович слез с лошади, он заметил Анну — она стояла на крыльце дома, закутавшись в шаль, и смотрела на них. В её взгляде читалась тревога, но не та, что бывает от простого беспокойства за гостя, а какая-то глубокая, личная. Подойдя к ним, она тихо поинтересовалась:— Что случилось, Аркадий Семёнович? Вы весь в пыли, лицо бледное— Всё завтра, Анна, — устало ответил БабаДруцкий. — Всё завтра объясню. А сейчас — отдыхать. Он поднялся по ступеням, чувствуя, как усталость наваливается на плечи тяжёлым плащом. Но в голове не утихал голос десятника: «Голос бабский был». И этот шёпот тянул за собой целую вереницу вопросов, на которые пока не было ответов.

Тайна

Тайна исчезновения горничной Машки в то время как БабаДруцкий мчался по тёмной дороге к дому десятника, поручик Гравюров, засучив рукава и стянув с головы фуражку, чтобы не мешала думать, отправился расспрашивать прислугу о горничной Марии. Первым он решил навестить конюха: тот, как известно, засиживался допоздна, проверяя упряжь и прислушиваясь к дыханию лошадей, будто по их тихому фырканью мог угадать грядущие беды. Конюх, плотный мужчина с руками, загрубевшими от работы, стоял у распахнутых дверей конюшни и протирал тряпкой уздечку. Услышав шаги, он поднял голову, прищурился, узнав поручика, и кивнул без лишней суеты. — Что стряслось, ваше благородие? — спросил он спокойно, не торопясь ни оправдываться, ни суетиться. — Опять барин что-то потерял? — Не барин, — отозвался Гравюров, подходя ближе и стараясь говорить не строго, а по-свойски, чтобы не отпугнуть человека. — Про Машку, горничную, расспросить хочу. Пропала она. С вечера была, а нынче — как сквозь землю провалилась. Конюх помолчал, медленно свернул тряпку, положил её на край кормушки и только потом ответил: — Пропала, говоришь Эх, молодёжь — он вздохнул, и в этом вздохе было больше усталости от жизни, чем осуждения. — Так она, Машка, по вечерам, как работы в усадьбе завершались, бегала на берег реки. Там у неё с парнем из деревни свидание было, с Антоном. Миловались они там, в тишине, под ивами. Любовь, что сказать. Гравюров чуть подался вперёд, стараясь не выдать волнения: — Ты точно знаешь? Не слухи одни? — Точно, — кивнул конюх. — Сам не раз видел, как она, едва солнце к закату, будто птичка, срывалась и бежала к реке. А он её там ждал. Место у них укромное было — за поворотом, где кусты густые да тростник стеной стоит. Туда никто лишний не ходит: ни барин, ни приказчик. Вот они и думали, что их никто не видит. Поручик на мгновение прикрыл глаза, мысленно рисуя карту имения и отмечая это укромное место. — Больше ничего не замечал? Ни ссоры, ни испуга у неё? Может, кто другой на неё поглядывал? Конюх снова помолчал, будто взвешивая каждое слово. — Испуга не видал, — наконец произнёс он. — А вот торопливости — да. В последние дни она всё оглядывалась, будто ждала, что из-за угла кто-то выскочит. Но не говорила ничего. Гордая была, не любила жаловаться. Поняв, что больше от конюха ничего не добиться, Гравюров поблагодарил его и направился на кухню. Там, несмотря на поздний час, ещё кипела жизнь: кухарки домывали посуду, переговаривались шёпотом, чтобы не разбудить господ, и время от времени выглядывали в тёмные окна, будто ожидая чего-то недоброго. Едва Гравюров переступил порог, разговоры стихли, и все взгляды обратились к нему. Он постарался улыбнуться как можно мягче: — Простите, что в такой час беспокою. Про Машку спросить надо. Кто последним её видел? Куда она собиралась? Кухарки переглянулись, и старшая, грузная женщина с лицом, изборождённым морщинами от вечного жара печи, первой заговорила: — Да мы ей говорили, — произнесла она с укором, будто Машка всё ещё стояла перед ней и могла услышать эти слова. — Мы ей прямо говорили: «Эти ваши шашни до добра не доведут!» А она только смеялась да отмахивалась: «Да что вы, матушки, Антон меня в обиду не даст!» — Так она про Антона говорила? — уточнил Гравюров. — Про него, — кивнула кухарка. — И правда, парень хороший, работающий, но в таких делах разве угадаешь? Мало ли кто на девушку позарится. А тут ещё барин наш — она осеклась, прикусив язык, и покосилась на дверь, будто боялась, что стены имеют уши. — Продолжайте, — тихо, но твёрдо сказал поручик. — Сейчас не до церемоний. Если Машка в беде — каждая мелочь важна. Женщина вздохнула, опустила глаза: — Да что продолжать Барин наш, Артамон Петрович, на молодых девиц всегда поглядывал. А Машка — девка видная, бойкая. Вот и старался он при каждом удобном случае к ней поближе подойти, словечко сказать, за локоток взять. Она старалась держаться подальше, да разве от барина убежишь? Гравюров слушал, и внутри у него всё сжималось от неприятного предчувствия. Он достал карандаш и аккуратно записал в блокнот: «Свидания

с Антоном на берегу реки. Место — за поворотом, у густых кустов. Машка в последние дни оглядывалась, будто чего-то боялась. Внимание барина. Возможный мотив — ревность либо запугивание». Закончив запись, он снова поднял глаза на женщин:— А вчера кто-нибудь видел её после заката? Кухарки снова переглянулись, и одна из младших, совсем ещё девчонка, тихо произнесла:— Я видела Она шла к выходу из усадьбы, торопилась. Платок на плечи накинула, будто собиралась куда-то. И всё оглядывалась— Куда она шла? — быстро спросил Гравюров.— К реке, — прошептала девушка. — Я думаю, к Антону. У них в тот вечер свидание было назначено. У порутчика мелькнула мысль в голове. «Если Машка пошла на свидание — значит, её исчезновение могло быть связано либо с Антоном, либо с тем, кто мог следить за ней. А укромное место, где никто не увидит Оно могло стать и укрытием, и ловушкой».— Спасибо вам, — искренне сказал Гравюров, убирая блокнот. — Вы очень помогли. Он вышел из кухни, и ночной воздух, прохладный и влажный, словно смыл с него часть напряжения. Но тревога не уходила. Теперь он знал, где искать первые следы. Завтра с рассветом он пойдёт к реке — туда, где ивы склоняются над водой, где тростник стоит стеной, а тишина бывает обманчиво спокойной. Но прежде чем отправиться спать, он заглянул в комнату к Быкову. Барин сидел в кресле у камина, хмуро смотрел на огонь и время от времени вздыхал.— Вы что-то узнали? — не поднимая глаз, спросил Быков.— Коечто, — сдержанно ответил Гравюров. — Машка бегала на свидания к парню из деревни, к Антону. Их место — на берегу реки, за поворотом. Завтра я туда схожу. Быков наконец поднял глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на стыд, смешанный с тревогой:— Надеюсь, с ней ничего дурного не случилось Я, признаться, слишком уж на неё поглядывал Не думал, что это может кому-то навредить.— Сейчас не время для самобичевания, — спокойно, но твёрдо произнёс поручик. — Если она жива — мы её найдём. А если — он не договорил, но смысл был понятен. Они помолчали, слушая, как потрескивают дрова в камине. А где-то в глубине дома тихо скрипнула половица — будто сама усадьба шептала о своих тайнах, которые ещё предстояло раскрыть.

Разговор у озера

БабаДруцкий проснулся с первыми лучами солнца — не от стука в дверь и не от крика петуха, а от той внутренней тишины, которая бывает только на рассвете, когда мир ещё не успел наполниться суетой и ложью. Он оделся без спешки, накинул лёгкий сюртук и, не надевая сапог, вышел босиком на влажную от росы траву. Холод земли отрезвлял, возвращал мысли в порядок, словно смывал с разума ночной туман. Стоя у кромки пруда, Аркадий Семёнович снова и снова прокручивал в голове события минувшей ночи, будто просматривал кадры диапозитивов в волшебном фонаре. Вот он подъезжает к дому десятника, вот лошадь встаёт на дыбы, отказываясь идти дальше. Вот во дворе — лай, хруст дерева, хрип Михаила Васильевича. Вот фигура в чёрном плаще, наклонённая над стариком. И наконец — выстрел. Он отчётливо вспомнил тот миг: как дёрнулся курок, как грохнул выстрел, как нечто в плаще вздрогнуло и отпрянуло. И как оно побежало — не как человек, не даже как зверь, а с какойто неестественной, пугающей быстротой. «Я попал, — подумал тогда БабаДруцкий. — Попал в правое плечо. Не убил, но ранил». И эта мысль теперь казалась ему важнейшей: существо было уязвимо. Оно могло истекать кровью. И если это так, то где то там, в темноте, остались следы. Из размышлений его вывел голос Гравюрова. Поручик подошёл неслышно, в сапогах, но ступал так, будто старался не нарушать утреннего покоя. — Что бы ни случилось, вы, Аркадий Семёнович, не изменяете себе, — с лёгкой улыбкой произнёс он, кивнув на босые ноги статского советника. БабаДруцкий чуть усмехнулся, не отрывая взгляда от водной глади, где солнечные блики плясали, словно живые: — Дисциплина, мой друг, дисциплина — вот наше всё. Без неё даже самый острый ум превращается в фейерверк: ярко, шумно, да ненадолго. Гравюров помолчал мгновение, будто собираясь с духом, и затем, уже серьёзнее, выложил всё, что узнал минувшим вечером: про конюха, про тайные свидания Маши с деревенским парнем Антоном, про укромное место за поворотом реки, где ивы склоняются к самой воде, а тростник стеной стоит, скрывая всё, что творится за ним. — И бабы на кухне всё твердили: «Эти их пашни до добра не доведут», — закончил поручик, слегка нахмурившись, будто до сих пор не мог простить себе, что не занялся этим делом раньше. Аркадий Семёнович наконец оторвал взгляд от воды и посмотрел на Гравюрова — спокойно, но с тем особенным вниманием, с каким опытный охотник смотрит на свежие следы. — Это хорошо, — произнёс он негромко, но в этом «хорошо» слышалось удовлетворение сыщика, который наконец ухватил первую ниточку. — Клубочек понемногу начинает раскручиваться. Поручик чуть подался вперёд, будто хотел сразу броситься по следу: — Значит, идём к этому Антону? — После завтрака, — твёрдо сказал БабаДруцкий, не торопясь. — На голодный желудок даже самые верные выводы выходят кривыми. Да и спешить там, где пахнет бедой, — последнее дело. Тут уже Гравюров, в свою очередь, взглянул на Аркадия Семёновича с немим вопросом, в котором читалось: «А теперь ваша очередь. Расскажите, что там было в деревне, отчего вы вернулись за полночь, а вид у вас такой, будто вы заглянули за край мира». — Спрашиваете, что задержало меня в деревне? — БабаДруцкий помолчал, подбирая слова так, чтобы не звучать как рассказчик страшных сказок у камина, но и не умалить опасности. — Расскажу. И он поведал поручику всё: про немого Игната, в чьих глазах застыл первобытный ужас; про нападение на десятника; про фигуру в чёрном плаще; про выстрел и про то, как существо, несмотря на рану, умчалось с немыслимой скоростью. — Главный подозреваемый, — заключил Аркадий Семёнович, и в голосе его не было ни тени сомнения, — предположительно женщина с красными глазами и зубами, острыми как бритва. Лица, к сожалению, рассмотреть не успел — да и времени не было. Даже десятник лица не видел. Но он коечто важное подметил: голос был женский. Тихий, но такой ледяной, что кровь стынет. Гравюров слушал, и лицо его постепенно теряло привычную браваду, становясь строгим и собранным — лицом офицера, который понял, что имеет дело не

с бытовым преступлением, а с чемто куда более зловещим.— И всё же, — проговорил он, чуть наклонив голову, — если это существо напало на десятника, при чём тут пропажа Маши? Какая связь? БабаДруцкий на мгновение прикрыл глаза, словно перебирая в уме все известные факты, и ответил:— Пока не знаю. Но я верю, что в любом деле, сколь бы запутанным оно ни казалось, все нити ведут к одному узлу. И этот узел мы найдём. А начать надо с Антона. Если он любил Машу, то знает о ней всё: её страхи, её привычки, её тайные дорожки. Возможно, он видел чтото, сам того не понимая. Или — Аркадий Семёнович сделал паузу, — возможно, он сам в опасности. Они помолчали. Утренний воздух становился теплее, роса испарялась, и имение, ещё недавно казавшееся уютным уголком, теперь словно притаилось, храня свои мрачные тайны.— После завтрака — к Антону, — повторил БабаДруцкий, уже не как предложение, а как приказ, пусть и высказанный спокойно. — А пока — вернёмся в дом. Нам понадобятся не только сапоги, но и ясная голова.

Жизнь десятника

Чаепитие у десятника После завтрака сыщики направились в деревню. Шли не торопясь, будто не гнались за бедой, а ждали, когда она сама себя выдаст какойнибудь неловкой деталью. Лошадей оставили у околицы: в деревне пеший человек вызывает меньше опаски, и разговор льётся свободнее. Первым делом зашли к десятнику. Михаил Васильевич после ночной передряги выглядел помятым, будто ночь вытянула из него силу, но не сломила. Опирался на клюку, а взгляд был настороженный — каждую тень проверял, не таится ли в ней угроза. — Доброе утро, — поклонился Аркадий Семёнович, снимая шляпу. — Позвольте представить: поручик Гравюров, Аркадий Степанович — мой помощник. — Помощник — это хорошо, — хрипло отозвался десятник: голос ещё не оправился после вчерашнего, каждое слово давалось с усилием. — С чем пожаловали, господа? — Выяснились коекакие подробности по одному делу, — спокойно ответил БабаДруцкий. — Не подскажите, где сыскать Антона, парня лет двадцати? Десятник на миг замер, перебирая в памяти деревенские дворы и лица, потом щёлкнул пальцами, поймав нужную мысль: — Антон лет двадцати Аа, так это Марфы Никитичны сын! Вон его изба, — кивнул он на дом напротив. — Да только, скорее всего, их нет: Антон с отцом на сенокосе, Марфа на барских наделах. Пойдёмте, провожу. Двинулись к дому: статский советник и поручик впереди, размеренным шагом, десятник замыкал, тяжело ступая и опираясь на клюку. У калитки Михаил Васильевич зычно окликнул: — Марфа, ты дома? Из двора отозвались: — Дома, дома! Изза угла избы показалась полная женщина, на ходу вытирая руки о фартук. — Вот к вам сыщики пожаловали, Антона спрашивают, — пояснил десятник. — А на кой он им? — вскинулась Марфа. — Поговорить надобно, пару вопросов задать насчёт Марии, горничной барина, — ровно проговорил БабаДруцкий. — Ой, ты боже! — всплеснула руками Марфа. — Говорила ведь, не доведёт она его до добра! Теперь вот и сыщики Позорто какой для семьи! — Да не причитывай ты, — осадил её десятник. — Поговорят и уйдут. Не на каторгу же его ведут. — Так нет его, — уже тише проговорила Марфа. — Они с мужем на сенокосе. — Когда вернутся? — уточнил Гравюров. — Ближе к обеду, — вздохнула женщина. — Как солнце в зенит встанет, тогда и придут. Поручик глянул на Аркадия Семёновича — мол, будем ждать? БабаДруцкий чуть помедлил и спокойно произнёс: — Что ж, обождём. Раз уж время есть, не грех и чаю выпить. — Так у меня и обождём, — подхватил десятник. — Самовар как раз на углях. Попьём, пока время идёт. А как Антон подойдёт — сразу кликну. Они прошли во двор, где под навесом на лавке стоял закопчённый самовар, рядом — глиняные кружки да миска с тёмным мёдом. Десятник усадил гостей, сам сел напротив, опершись на клюку. — Спасибо, Михаил Васильевич, — кивнул БабаДруцкий. — Чай — дело хорошее. Десятник чуть наклонил голову и, понизив голос, тихо проговорил: — Я тут всё думаю про ту, что на меня набросилась Голосто точно женский был. А вот сила — не людская. Аркадий Семёнович спокойно согласился: — Сила — да. Не почеловечески быстрая. Но и рана у неё есть. Я попал в правое плечо. Значит, где-то след остался. Гравюров достал блокнот, быстро набросал несколько строк, потом поднял глаза на Аркадия Семёновича и едва заметно кивнул. БабаДруцкий негромко произнёс: — Пока ждём, расскажите ещё раз, Михаил Васильевич, как всё было. С самого начала. Десятник помолчал, собираясь с мыслями, крепче оперся на клюку и начал говорить — медленно, с остановками. — Там, когда мы с вами разошлись, Аркадий Семёнович, я уже было собрался ложиться спать. Так вот, пёс мой разошёлся не на шутку. А ведь он спокойный, старый уже, слепой, а нюх не потерял. Вышел я глянуть, на кого он там разрывается. Луна проглядывала, да только ничего рассмотреть не удалось. Пёс лаял, глядя на калитку, вот я и решил подойти поближе, посмотреть. Когда подошёл, то увидел ваш блокнот, что на земле лежал. Вы, видать, его обронили, когда в седло садились. Ну вот, наклонился, поднял, а когда обернулся к дому — в этот самый момент меня и схватила она. Да как швырнёт! Думал, все кости

переломаются, когда ударился оземь. Очухавшись, вижу: уже склонилась надо мной, пасть раззявила — готовилась укусить, ейбогу, укусить хотела, тварь. А потом и вы подоспели. Дальше вы уже всё знаете, Аркадий Семёнович. Низкий вам поклон, что спасли жизнь старику. Гравюров чуть наклонил голову, записывая в блокнот главное, и, подняв глаза, уточнил:— А был ли случай, чтобы кто-то о ней раньше говорил? Или о чём-нибудь странном? Десятник задумался, погладил бороду и, хлебнув из блюдца чаю, добавил:— Да, было дело. За день до Федыкиного исчезновения наш парниша Гоша говорил, будто видел глаза красные, да будто кто-то кровь пил. Только никто ему не поверил: сочли, что брешет, чтобы оправдаться, что коров бросил на лугу. Да и барин его наказал плетью — а наказ Быкова Федька и исполнил. Пьянь этакая, всегда перед барином выслуживался.— Что с Гошей? — уточнил БабаДруцкий, делая пометку для себя.— Мать его выхаживает, — произнёс старик. — Чуть богу душу не отдал, бедолага. Достаётся ему по жизни. Не всегда он был такой: лет до семи нормальный парниша был, а как сестру в петле увидел — так и замкнулся в своём мире. А люди поговаривают, что это Игнат над ней надругался — вот девка и полезла в петлю. Как говорится, бог шельму метит. Ведь так никто вины Игната доказать и не сумел.— Вот сейчас Агафья его и растит одна, — продолжил десятник, словно сам себя подтягивая к рассказу. — Муж-то её бросил после смерти дочери, ушёл в город — может, в Смоленске, а может, ещё где. Он помолчал, глядя в тёмное блюдце, будто в нём отражались старые беды, и вдруг разоткровенничался:— А я вот со своей жинкой до её смерти жил Два года как померла. Нас женили наши родители, когда мне семнадцать было, а ей шестнадцать. Но толком пожить не успели, и детей нажить. В восемнадцать меня на службу призвали — вот и служил царю верой и правдой двадцать пять лет, а она меня ждала и дождалась. Я ещё при Николае Первом на службу поступил, а домой вернулся уже при внуке, получается, при Александре Третьем. Детей не было своих, вот мы, можно сказать, няньками в деревне и были. Я десятником стал — да и дедом для всей детворы местной. До сих пор бывает, просят посидеть с мальцом, когда на работу идут, на барские надель. Вот такова моя жизнь сельского десятника. БабаДруцкий слушал, не перебивая, лишь изредка кивая, будто каждое слово укладывал в особую шкатулку памяти — туда, где хранятся не факты, а оттенки правды. Когда десятник умолк, Аркадий Семёнович тихо проговорил:— Спасибо, что рассказали. И про Гошу, и про Игната, и про свою жизнь. В деле всякое пригодится.

АНТОН

Они сидели и тихо пили чай, и каждый был погружён в свои мысли. БабаДруцкий, чуть склонив голову, прислушивался не столько к шорохам двора, сколько к тому, как в голове укладываются обрывки сведений — словно костяшки счётов, что должны в конце концов выдать верный итог. Гравюров, напротив, сидел прямо, пальцы его едва заметно постукивали по колену — привычка, выдававшая нетерпение, желание действовать. Десятник же, опершись на клюку, время от времени подливал в блюдца крепкий, пахнущий дымком чай, будто этим простым движением удерживал мир в привычном порядке. И вдруг тишину разорвал резкий, взволнованный голос:— Михаил Васильевич! Гости ваши ещё не уехали?! Во двор стремительно вошла Марфа, а вслед за ней, чуть сутулясь, чтобы не задевать притолоку, шагнул Антон.— Вот привела! — выдохнула Марфа, тяжело переводя дух, будто не просто шла, а бежала через всю деревню. — А ну, рассказывай всё и без утайки, а то я тебе — она грозно глянула на сына, но в этом гневе сквозила не столько строгость, сколько страх за него, тот самый материнский страх, что сильнее любого окрика. Антон — парень лет двадцати на вид, с буйными кудрявыми рыжими волосами, будто тронутыми огнём, и ростом почти под два метра — стоял, слегка расставив ноги, словно удерживая равновесие под тяжестью собственных чувств. В его мощной фигуре было что-то от молодого дуба — ещё не до конца окрепшего, но уже могучего. Он пробасил, стараясь держаться спокойно:— Чего изволите? БабаДруцкий неторопливо отставил блюдце, взгляд его стал острым, цепким, будто он считывал не только слова, но и то, что прячется за ними.— Когда в последний раз видели Машу? — спросил он ровно, без нажима, но так, что вопрос прозвучал как неизбежность.— Какую Машу? — переспросил Антон, и в его голосе прозвучала искренняя растерянность, почти детская. Но уже в следующее мгновение он понял, о ком речь, и лицо его потемнело.— Мы знаем, что вы встречались с горничной Быкова, Машей, — спокойно продолжил БабаДруцкий. — И не удивляйтесь — да, знаем. Парень чуть поёжился, будто от неловкости, от того, что самое сокровенное вдруг оказалось на виду, у всех на глазах. Он расправил плечи, словно надевая броню, и заговорил уже тише, без прежней бравады, так, будто каждое слово приходилось вынимать откуда-то из глубины:— За пару дней до нашей встречи на берегу реки Мы там постоянно виделись. Договорились, что снова встретимся, только она в тот день не пришла. Так бывало уже, и я этому значения не придавал. Уж больно противный этот Быков: много работы у него, вот и не всегда она могла выбраться. А почему спрашиваете про неё?— Да вот, дело в том, — заговорил Аркадий Семёнович, не сводя с парня внимательного взгляда, — пропала она.— Как пропала? — уточнил Антон, и голос его вдруг стал резким, будто кто-то дёрнул за тугую струну. В глазах мелькнуло недоверие, тут же сменившееся тревогой.— Да вот так: нет её нигде, — просто ответил БабаДруцкий, и в этой простоте прозвучала тяжесть. После этих слов Антона будто переключили. Лицо его исказилось, в нём смешались боль, гнев и бессилие — чувство, которое сильнее всего ранит сильных.— Это всё он! — взревел он, и голос его, мощный и низкий, прокатился по двору, заставив даже кур метнуться прочь. — Она мне жаловалась, что барин ей прохода не даёт, что намёки у него странные. Я ей предлагал разобраться с ним, да она ни в какую не соглашалась. Говорила, что боится за меня: вдруг барин в ссылку сошлёт. Ну, я ему — кулаки Антона сжались так, что побелели костяшки, а жилы на шее вздулись. — Ну, увижу — ну, задам! Всё вытрясу! Тут Марфа запричитала, заламывая руки, и голос её, высокий и надрывный, был совсем не похож на её обычную твёрдую речь:— Да что это такое делается! Да что ж ты творишь, горе моё! Да куда тебе лезть, богатырь непутёвый!— Ты, парень, не пори горячку, — спокойно, но твёрдо, с той особой властью, что рождается не из чина, а из опыта, сказал БабаДруцкий. — Наворотишь делов — потом не разгребёшь. Разобраться надо, да по уму, не с кулаками, а с головой. Ступайка домой, будь дома, не дури. Мать пожалей. С-

лова эти, сказанные без крика, подействовали на Антона сильнее любой угрозы. Он словно сдулся, плечи его опустились, и он вдруг показался не грозным великаном, а мальчишкой, которому страшно за любимую девушку. Он глянул на мать, которая всё ещё вытирала слёзы концом фартука, и кивнул — не столько в знак согласия, сколько от того, что силы вдруг разом ушли.— Идём, сынок, — тихо позвала Марфа. — Идём.И они отправились к себе домой — мать впереди, чуть ссутулившись от тревоги, сын следом, огромный, неловкий, будто не знавший, куда деть свои длинные руки, и оттого ещё более беззащитный.Когда их шаги затихли за поворотом, а скрип калитки растворился в вечерних звуках деревни — далёком мычании коровы, крике петуха, шелесте листвы — Аркадий Семёнович чуть наклонил голову и обратился к Гравюрову:— Нужно приглядеть за парнем. А то делов наворотит — потом не разберёмся. Сильто вон, по виду, немерено.Гравюров коротко кивнул, уже мысленно прикидывая, кого из надёжных деревенских парней можно попросить незаметно постоять у избы:— Сделаю, Аркадий Семёнович. Завтра с утра поставлю у избы надёжного человека.БабаДруцкий помолчал, глядя туда, где только что скрылся Антон, и тихо добавил, скорее для себя, чем для поручика:— В гневе человек не себя теряет — он правду теряет. А нам правда нужна. Не крики, не месть — след.Десятник, доселе сидевший тихо, будто стараясь стать незаметным, осторожно проговорил:— Может, и не стоит парня сторожить Он хоть и горячий, а не злодей. Просто сердце у него болит.Аркадий Семёнович повернул к нему спокойный, внимательный взгляд:— Сердце — да. Но когда сердце болит, руки сами тянутся к топору. А топор, Михаил Васильевич, не разбирает, кто прав, кто виноват. Пусть лучше посидит дома, остынет. А мы тем временем по следу пойдём — туда, где тишина говорит громче крика.

Разговор с Гошей

— А сейчас мы навестим Агафью, — произнёс БабаДруцкий, будто подводя черту под прежними расспросами. — Чтобы уже окончательно сложить картину по показаниям первых очевидцев. Десятник молча кивнул и повёл сыщиков напрямик через деревню — короткой тропой, где между избами вился сизый дымок, а в воздухе стоял густой запах печёного хлеба и влажной земли после недавнего дождя. Калитка у дома Агафьи была не заперта — висела на одной петле, чуть покосившаяся, будто устала держаться прямо. Они вошли во двор, и Михаил Васильевич, прокашлявшись, зычно прокричал:— Агафья, ты дома? Из сеней отозвался усталый, но твёрдый голос:— Дома. Где мне бытьто? Во двор вышла женщина чуть старше сорока. Лицо её было измождено не столько годами, сколько тяжёлым трудом и постоянными переживаниями за сына в последние дни: глубокие складки у рта, тёмные круги под глазами, а в самой осанке — та особая собранность, с какой держатся люди, привыкшие справляться с бедой в одиночку.— Как там Гоша? — участливо спросил десятник.— Поправляется понемногу, — тихо ответила Агафья, опустив взгляд на свои загрубевшие, в трещинах, руки. — Бог уберёт. Видать, нужен он ему на этом свете.— Вот, сыщики из Петербурга хотят поговорить с Гошей, — спокойно, без лишней суеты, пояснил десятник. — Расспросить его, что было и что он видел в тот день в лесу. Агафья вскинула глаза, и в них вспыхнула не просто тревога — та самая материнская ярость, что встаёт стеной между ребёнком и любой угрозой:— А всётаки опомнились, не поверили тогда Гоше в тот день, а теперь спохватились! Не дам я говорить с сыном. Разбирайтесь сами. Михаил Васильевич уже хотел было пригрозить ей, напомнить про власть и порядок, но Аркадий Семёнович лёгким, почти незаметным движением плеча осадил десятника — и сам шагнул вперёд, так, чтобы оказаться не над женщиной, а рядом с ней.— Понимаю вас, Агафья, — негромко, но твёрдо проговорил он. — Сердце матери первым чувствует беду. Но поверьте, мы не затем пришли, чтобы мучить парня расспросами или выжимать из него слова силой. Нам важно услышать то, что он видел, — и услышать без крика, без нажима. Если Гоша не захочет говорить — мы не станем его неволивать. Даю вам слово. Женщина долго смотрела на него, будто взвешивая каждое слово, пытаясь разглядеть в лице статского советника хоть малейшую неискренность. Потом медленно опустила плечи, и гнев её, не исчезнув, но отступив, превратился в усталую покорность:— Ладно. Пусть поговорят. Только недолго. Он ещё слаб. Войдя в избу, сыщики сразу почувствовали, как здесь тихо — не мёртвой тишиной, а той, что бывает в доме, где привыкли беречь силы и не тратить слова попусту. БабаДруцкий отметил про себя, насколько может быть беден дом, коли в нём нет мужика: лавки сколочены из простых досок, печь местами потрескалась, половицы скрипели под каждым шагом. И всё же в этой бедности чувствовался строгий, почти суровый порядок: углы выметены, на полках ни пылинки, на столе — аккуратно сложенное полотенце, а над кроватью висела тряпичная кукла, сшитая, видно, самой Агафьей. Гоша сидел на полатах, свесив ноги, и ковырял очередную деревяшку ножом — вырезал в этот раз фигурку лошади. Движения его были неторопливыми, сосредоточенными, будто в этом тихом занятии он прятал всё, чего не мог высказать словами. Аркадий Семёнович подошёл к нему спокойно, без резких движений, чтобы не спугнуть, и, чуть наклонив голову, заговорил сперва о резьбе по дереву — о том, как важно чувствовать дерево, как оно само будто подсказывает, где провести линию, чтобы фигурка ожила. Гоша сперва смотрел насторожённо, но постепенно лицо его разгладилось, и он с неожиданным удовольствием принялся делиться своими маленькими секретами: как выбирает осину, как сушит её на чердаке, как затачивает нож так, чтобы лезвие не рвало волокна. Когда мальчик немного оттаял, БабаДруцкий мягко перевёл разговор к тому, ради чего они пришли:— Ты мне вот что скажи, Гоша. Про тот день в лесу. Что ты видел? Не торопись, расскажи, как помнишь. Даже если покажется, что это пустяк — всё говори. Пустяки, они порой и есть самое

важное. Гоша немного замаялся, пальцы его на миг замерли над деревянной лошадкой, потом снова задвигались, будто эта привычная работа помогала ему держаться. И он рассказал — сбивчиво, путаясь в словах, но искренне: про то, как ушёл в лес в поисках коровы, про странные тени, скользившие между деревьями, про красные глаза, что на мгновение вспыхнули в темноте, и про чувство, будто за ним кто-то наблюдает, дыша в затылок ледяным воздухом. А в конце, подняв глаза на Аркадия Семёновича, вдруг добавил, словно пытаясь утвердиться в собственной правде: — Я не вру, ага? Пфф Я видел. — Верю, — просто ответил БабаДруцкий. — Спасибо, что рассказал. Это очень важно. Сыщики поблагодарили Агафью и Гошу и откланялись, решив не беспокоить их больше. Уже выходя за калитку, Аркадий Семёнович тихо, для себя, сделал мысленную пометку: «Гоша не дурачок. Его не умом обделили — он замкнулся от пережитого. А в свете неграмотности местного населения его и записали в дурачки. А парень то смышлённый» — И талантливый, — добавил он вслух, чуть замедлив шаг. — Режет фигурки — как живые. — Да, хороший мальчишка, — коротко, но с тёплой грустью отозвался десятник, будто и ему было стыдно за то, как деревня обходилась с парнем. Они двинулись дальше по деревенской улице, где вечер уже опускался на крыши изб, окрашивая их в мягкий сиреневый цвет, а воздух становился прохладнее. И в этой наступающей тишине БабаДруцкий чувствовал, как кусочки картины медленно встают на свои места — не все, не до конца, но уже достаточно, чтобы увидеть очертания беды.

Дождь

С самого утра погода не задалась: небо словно прорвалось, и хлынул такой проливной дождь, что, казалось, сама природа вознамерилась смыть с земли все следы преступления — да и самих сыщиков заодно. Струи воды стекали по оконным стёклам мутными потоками, двор обратился в сплошное серое месиво, и даже самые отчаянные деревенские мальчишки попрятались по избам. Сыщики сидели, погружённые в невесёлые думы. — Да ну и погода сегодня! И плохой хозяин на улицу собаку не выгонит, — проворчал Гравюров, прислушиваясь к тому, как дождь барабанит по крыше — будто кто-то сыплет горстями мелкой гальки, не зная устали. — Верно, на место не выйти, новые локации не осмотреть, — отозвался Аркадий Семёнович, чуть нахмурившись, будто винил себя за вынужденное бездействие. — Но и сидеть сложа руки — дело последнее. Пускай стихия бушует, а мы укроемся в логике. Давайте поразмыслим дедуктивно, свяжем ниточки в общую картину. Он сел напротив Гравюрова, сложил пальцы домиком и на мгновение прикрыл глаза, словно в темноте век ему легче было разглядеть невидимые связи между событиями. — Итак, что мы имеем, — заговорил он размеренно, будто выкладывал на стол незримые улики. — У нашей злодейки — или, вернее, у неведомого противника — два неудавшихся покушения: на деревенского мужика Игната и на десятника Михаила Васильевича. Далее — странная смерть Фёдора и найденная часть тела, а именно голова. Пропавшая горничная Маша. И, наконец, главная подозреваемая — неизвестная женщина. Показания десятника я склонен считать достоверными: Михаил Васильевич не из тех, кто бросается словами на ветер. Гравюров достал из кармана блокнот, аккуратно раскрыл его — страницы чуть потемнели от сырости, но записи оставались чёткими, как и полагается у хорошего поручика. Склонив голову, он продолжил: — А у меня есть ещё кое-что. Я беседовал с конюхом и с прислугой в доме. И все они боятся барина как огня. Не из простого почтения — тут страх иного рода. Такой, какой появляется, когда за каждым словом чудится петля. Баба Друцкый медленно кивнул, не перебивая: он умел ценить старания подчинённого и не торопил его. Аркадий Семёнович встал и принялся расхаживать по комнате — не суетливо, а с той размеренной собранностью, какая бывает у человека, привыкшего искать разгадку не глазами, а умом. Его всё не отпускала та ночь с нападением на Михаила Васильевича: момент, когда он стрелял в нападавшую, и твёрдая уверенность, что попал. Прокручивая в голове все детали и полагаясь на собственные навыки в стрельбе, он не сомневался: пуля нашла цель. А значит, где-то должна остаться отметина — рана, перевязка, человек, который лечил. Остановившись у окна, он провёл ладонью по запотевшему стеклу, стирая мутную пелену, и тихо, но твёрдо произнёс: — Нужно выяснить, кто личный врач барина. И кто занимается лечением в деревне — повитухи, знахарки, все, к кому могли бы обратиться за помощью. Кто мог оказать помощь раненой женщине? Кто мог скрыть такую рану? В деревне ничего не утаить: если кто-то пришёл за помощью, об этом непременно должны знать. Гравюров быстро записал несколько строк, потом поднял глаза: — Я могу пройти по избам, поговорить с повитухами. Даже в такой дождь кто-нибудь да будет дома. — Нет, — спокойно, но решительно оборвал его Баба Друцкый. — Сегодня никуда. Дождь не просто мешает идти — он стирает следы. А нам нужны не мокрые сапоги, а ясная голова. Пусть люди посидят, подумают, вспомнят. Завтра, когда небо прояснится, двинемся дальше. А сегодня соберём всё, что уже есть, и посмотрим, не щёлкнет ли замок. Он снова сел, достал из ящика стола лист бумаги и начал выписывать имена и события, соединяя их тонкими линиями, словно чертил карту неведомого лабиринта. — Игнат Михаил Васильевич Фёдор Маша — шептал он, будто пробуя каждое имя на вкус, выискивая в нём скрытый смысл. — И где-то между ними — она. Та, что нападает. Та, в кого я стрелял. Гравюров молча наблюдал за ним, зная, что в такие минуты лучше не мешать. Он понимал: сейчас Аркадий Семёнович не просто вспоминает факты — он ищет в них ритм, тот самый неуловимый такт, по

которому можно угадать следующий шаг врага. А за окном всё лил и лил дождь, и казалось, что сама природа не хочет, чтобы правда вышла наружу — словно берегла тайну. Дождь на улице не затихал, и капли монотонно стучали по стёклам, подчёркивая внезапную тишину, повисшую в гостиной. Пройдя в главный дом, БабаДруцкий вошёл в просторную комнату, в центре которой стоял рояль фирмы «Беккер» — его лакированная поверхность тускло отражала свет бронзовых бра. Заняв место за инструментом, Аркадий Семёнович начал понемногу наигрывать мелодии, сперва бессвязные, будто пробуя клавиши на ощупь, а затем, поддавшись настроению, заиграл «Очи чёрные». И тут за его спиной зазвучал мелодичный голос Анны — чистый, чуть дрожащий от волнения. Она подошла к роялю и, положив руку на плечо Аркадия Семёновича, продолжила петь. В этом дуэте было что-то щемящее, словно они вдвоём пытались заглушить тревожные предчувствия, нависшие над домом, как тяжёлые тучи над деревней. По окончании композиции БабаДруцкий поднял взгляд на Анну и увидел, что она смотрит на него как-то странно: во взгляде читался не просто интерес — в нём таилась целая буря чувств, которую она тщетно пыталась скрыть за маской светской непринуждённости. Они разговорились, обсуждая новые веяния моды в столице, популярные спектакли, наряды, которые носят девушки в Петербурге. Но за этими пустыми, на первый взгляд, словами пряталось нечто большее: оба старались удержать ускользающую нить разговора, лишь бы не возвращаться к тому, что висело в воздухе. Незаметно для самих себя они начали держать друг друга за руки, а потом и вовсе потянулись друг к другу. Анна закрыла глаза, уже готовая поцеловаться, но Аркадий Семёнович вдруг остановился и отстранил её от себя. — Не нужно. Вы замужем, — произнёс он тихо, но твёрдо, и в этом «не нужно» прозвучало не только предостережение, но и боль от собственной слабости. Анна побледнела, пальцы её дрогнули, и она отступила на шаг, будто обожжённая его словами. В комнате снова повисла тишина, и теперь даже стук дождя казался громче, чем прежде.

Убийство

Мельник Осип, как водится, засиделся на мельнице допоздна. Когда часы пробили полночь — а может, и вовсе сбились со счёта в этой глухой деревне, — он всё ещё домалывал последние мешки. «Страх страхом, да только зерно себя не перемолет, — ворчал Осип себе под нос, утирая рукавом выступившую от натуги испарину. — А мука — она ведь начало хлеба. Без неё ни каравая, ни жизни».

Мельница к тому времени едва дышала: скрипела, стонала, будто старая больная тварь, и работала на последнем издыхании. Каждая балка отзывалась на ветер протяжным вздохом, а жернов, и без того изношенный, сегодня словно взбунтовался — вдруг заклинило. Осип только головой покачал: не вовремя, ох не вовремя. Делать нечего: хлеб ждать не станет.

Взяв лучину, мельник полез осматривать механизм. Пламя трепетало, выхватывая из темноты то ржавую цепь, то облупившуюся доску, то тяжёлый круг жернова, покрытый слоем мучной пыли, похожей на серый пепел. И тут он заметил камень, намертво застрявший между двумя частями, — словно кто-то нарочно подбросил его сюда, чтобы остановить мельницу.

«Вот ведь напасть!» — пробормотал Осип и, схватив металлический крюк, принялся выковыривать камень. В этот миг воздух будто сгустился, стал тяжёлым и липким, как тесто, что не хочет подниматься. Послышался странный звук — не скрип, не шорох, а будто кто-то глубоко и медленно втянул воздух, словно пробуя темноту на вкус.

Осип отпрянул, вскинул лучину и хрипло бросил в темноту:

— Кто тут?

Ответом была тишина — густая, плотная, будто её можно было потрогать руками. Мельница замерла, даже скрип её притих, словно и она прислушивалась.

Когда мельник снова наклонился к жернову, что-то схватило его за шиворот и швырнуло с такой силой, что он и понять не успел, как оказался у повозки. Перед ним, заслоня лунный свет, двигалось нечто в тёмном плаще; глаза существа горели красным, как угли в остывающей печи, и в этом свете лицо Осипа исказилось от ужаса.

Мельник был не из робкого десятка. Пошарив рукой в повозке, он нащупал зерновую лопату — тяжёлую, с крепким, чуть шершавым черенком, знавшим сотни трудовых дней. Сжав её обеими руками, Осип двинулся навстречу, замахнувшись для удара. В тот миг, когда он уже готов был обрушить лопату на врага, воздух перед ним дрогнул, словно от сильного жара, и невидимая сила рванула черенок. Существо в плаще схватило лопату и вырвало её из рук мельника с пугающей лёгкостью, будто это была соломинка.

Из-под капюшона раздалось шипение, похожее на то, как змея скользит по сухой траве, только в тысячу раз страшнее. А затем оно полоснуло когтями по лицу Осипа. Порезы были глубокие, ровные, будто кожу вскрыли бритвой, и тёплая кровь потекла по щеке, капая на грубую рубаху.

— Ну уж нет! — взревел Осип, и голос его, хриплый и яростный, прокатился по двору, словно последний крик мельничного колеса перед тем, как оно остановится навсегда. Он бросился вперёд с кулаками, готовый драться до последнего вздоха.

Не успел он и шага сделать, как существо увернулось с неестественной быстротой, схватило мельника за волосы, рвануло к себе и впилося в шею острыми, как иглы, зубами. Осип захрипел; изо рта потекла кровь, густая и тёмная, как перемолотое зерно, превращающееся в тесто.

Существо наслаждалось агонией жертвы, впиваясь всё глубже, пока не высосало жизнь до последней капли. А когда насытилось, отбросило обмякшее тело мельника рядом с входом в мельницу, словно ненужный мешок. И растворилось во тьме, оставив после себя лишь запах

железа и тишину, в которой слышался только стук дождя по крыше да отдалённый вой собаки, будто она чуяла, что в деревне поселилось затаившееся зло — и теперь оно не уйдёт, пока не заберёт ещё чью-то душу.

Тело

Утро в имении началось, как обычно: прислуга хлопотала по дому, позвякивая медными крышками и шелестя льняными полотенцами, а Аркадий Семёнович БабаДруцкий, верный своей привычке, прогуливался по росе босиком, ощущая, как прохладная влага пробирается между пальцев и отрезвляет мысли лучше любого крепкого чая. Он успел сделать лишь несколько шагов по сырой траве, когда изза угла конюшни вылетел, будто гонимый вихрем, конюх.— Ваше благородие! Ваше благородие! — кричал он на ходу, размахивая руками, словно пытался удержать равновесие в этом стремительном беге. — Вас требуют! Аркадий Семёнович остановился, приподняв бровь.— Что случилось? — спросил он спокойно, хотя в груди уже шевельнулось то самое чувство, знакомое каждому сыщику: предчувствие, что привычный порядок дня вот-вот рухнет.— За вами из деревни парнишку прислал десятник! Требуется вас прибыть срочно! Дело не терпит отлагательства! — выпалил конюх, едва переводя дух. БабаДруцкий на мгновение задумался, затем кивнул:— Хорошо, сейчас буду. Снарядите лошадь для меня и для поручика. Он стремительно направился к дому, на ходу едва не сбив с ног служанку с корзиной чистого белья. Вбежав в комнату, он поспешно надел обувь, попутно разбудив Гравюрова, который спросонья только и успел, что удивлённо моргнуть.— Вставайте, поручик, служба зовёт! — бросил Аркадий Семёнович, уже снова выбегая во двор. Гравюров, чертыхаясь вполголоса, бросился следом, на ходу застёгивая мундир и пытаясь натянуть сапоги. Когда они подъехали к мельнице, то увидели плотную толпу крестьян, обступившую десятника. Ктото из мужиков истово крестился, глядя в землю, ктото перешёптывался, бросая косые взгляды на мельницу, а ктото и вовсе отворачивался, будто не хотел видеть того, что лежало у ног десятника. Воздух был густ от напряжения, и даже ветер, обычно игриво трепавший соломенные крыши, сегодня притих, словно боялся нарушить эту тяжёлую тишину. Спешившись, БабаДруцкий и Гравюров подошли к толпе. Люди расступились перед ними, как воды перед камнем, и взглядам сыщиков открылась страшная картина: перед десятником, вытянувшись в неестественной позе, лежало тело мельника Осипа. Аркадий Семёнович приблизился, склонился над убитым и внимательно осмотрел его. На лице мельника виднелись глубокие порезы — ровные, будто нанесённые бритвой, а на шее темнел отчётливый след укуса: два ряда острых отметин, словно ктото вонзил в плоть звериные клыки. БабаДруцкий нахмурился, провёл пальцем по воздуху рядом с ранами, будто пытаясь уловить невидимую линию, соединяющую эти штрихи в единую зловещую картину. Затем он поднялся и направился к самой мельнице. Войдя внутрь, Аркадий Семёнович медленно обошёл помещение, вглядываясь в каждую деталь: в мучную пыль, тонким слоем покрывавшую все поверхности, в покосившиеся балки, в ржавые цепи. Но особое внимание он уделил заклинившему жернову. Осмотрев его, сыщик заметил между частями мельничного круга небольшой камень — будто ктото нарочно подбросил его сюда, чтобы остановить работу механизма. Выйдя наружу, БабаДруцкий обошёл всё вокруг, ведя при этом записи в своём неизменном блокноте: отмечал положение тела, направление следов (если они были), состояние дверей и окон мельницы. Его движения были размеренными, почти механическими, но в глазах читалась напряжённая работа мысли — он складывал мозаику из мельчайших деталей. Закончив осмотр, Аркадий Семёнович поднял голову и твёрдо произнёс:— Отправьте людей за урядником и полицейским врачом. И ни в коем случае не позволяйте трогать или перемещать тело до их прибытия. Крестьяне переглянулись, в их взглядах мелькнуло облегчение: теперь ответственность переходила к тем, кто знал, как обращаться с такими страшными делами. Десятник тут же кивнул и отправил двоих парней в сторону волости. А БабаДруцкий ещё раз окинул взглядом мельницу, тёмную и зловещую, будто она сама хранила какуюто мрачную тайну. И в этот момент ему показалось, что гдето внутри,

за толстыми стенами, мелькнуло что-то красное — словно отблеск тех самых глаз, о которых, быть может, скоро начнут шептаться по всей деревне.

Дедукция

До прибытия урядника и полицейского врача БабаДруцкий ещё раз обошёл место преступления. Движения его были неторопливы, почти размеренны, будто он не ступал по сырой земле, а вслушивался в её немую исповедь. Остановившись подле Гравюрова, Аркадий Семёнович спокойно спросил:— Что вы можете сказать о случившемся, поручик?Гравюров, не отрывая взгляда от блокнота, куда торопливо заносил штрихи увиденного, проговорил, слегка морща лоб:— Странные следы на шее — укус, ровные края ран на лице. Пожалуй, и всё.БабаДруцкий чуть склонил голову, словно примеряя эти скупые слова к чему-то куда более зловещему:— А что скажете о самом месте преступления? Не о теле, нет, — о месте. О том, как оно рассказывает свою историю.— Ничего необычного, — ответил Гравюров и тут же, поймав на себе пристальный, чуть ироничный взгляд Аркадия Семёновича, смущённо поправил фуражку.Статский советник помедлил, будто давая тишине сгуститься, а затем заговорил — не спеша, с той особой расстановкой, что отличала его дедуктивные выкладки:— Жернов на мельнице заклинили намеренно. Камень, брошенный туда с точным расчётом, не случайность, а ловушка. Преступник подстроил всё так, чтобы Осип полез разбираться, отвлёкся, утратил бдительность. Это раз.Схватка началась не внутри, а на улице — после того, как мельника вышвырнули наружу с силой, какой не сыщешь и у кузнеца. Взгляните на расстояние от дверей да на то, как лежит тело: обычный человек такого не смог бы. Это два.Сопrotивлялся Осип отчаянно — по всему видно. Зерновая лопата, которую он схватил, валяется неподалёку; по положению её да по царапинам на утопанной земле ясно, что он пытался дать отпор, замахивался, бился до последнего. Да только противник оказался куда сильнее, если не сказать — неестественно силён. Это три.Гравюров нахмурился, словно силился удержать в голове сразу все эти звенья, и выдохнул, почти шёпотом:— Как вы это делаете, Аркадий Семёнович? В считанные минуты складываете из пустяков целую картину— Дедукция, мой друг, дедукция, — спокойно ответил БабаДруцкий, едва заметно улыбнувшись уголками губ. — Не волшебство, а привычка не пропускать ни одной мелочи. Ведь преступление, как ни таи его, всегда оставляет следы — и на земле, и на дереве, и даже в самом воздухе, если уметь слушать.Вокруг по-прежнему стояла толпа крестьян. Кто-то истово крестился, кто-то шептал соседу что-то тревожное, а иные и вовсе отступали на шаг, будто страшась, что зло, погубившее мельника, может перекинуться и на них. Но у самой мельницы воцарилась странная, почти неестественная тишина — словно даже ветер притих, прислушиваясь к словам сыщика.БабаДруцкий вновь окинул взглядом место трагедии, задержавшись на тёмных пятнах на земле, на покосившейся двери, на тяжёлом жернове, застывшем в нелепой неподвижности. И в этом его взгляде было не просто внимание профессионала — в нём сквозило предчувствие, что перед ними не заурядное злодеяние, а нечто куда более зловещее, таящееся в самой сути деревенских сумерек.

Заключение

По прибытии урядника Афанасия Стыценко и полицейского врача Александра Родченко толпа деревенских зевак была удалена с места преступления — не без ворчания и перешёптываний, будто люди жалели расстаться с этим страшным зрелищем, ставшим на миг самым важным событием в их жизни. Урядник, убедившись, что БабаДруцкий и поручик Гравюров имеют надлежащие полномочия находиться при осмотре, приступил к документированию деталей происшествия: деловито заносил в протокол каждую мелочь, сверялся с отметками, хмурил густые брови, будто надеялся, что строгая формальность бумаг укротит саму природу случившегося. Тем временем доктор Родченко, не тратя слов попусту, склонился над телом и принялся за осмотр — методично, сухо, с той особой отстранённостью, какая бывает у людей, привыкших видеть смерть и не позволять ей тревожить собственные нервы. По завершении всех положенных процедур Родченко выпрямился, снял пенсне и, протирая стёкла краем рукава, поделился главным и самым тревожным наблюдением:— Тело полностью обескровлено. Ни капли в жилах. Такое не бывает ни при нападении зверя, ни при самой жестокой расправе. Это неестественно. Слова повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как капли перед грозой. Гравюров невольно сглотнул, а урядник Стыценко, и без того суровый, будто окаменел. Было решено забрать тело в морг для дальнейшего изучения обстоятельств смерти. Для деревенского десятника озвучили упрощённую версию — будто мельник пал жертвой нападения волка. Аркадий Семёнович, подойдя к Михаилу Васильевичу, тихо, но твёрдо попросил не вдаваться в подробности и уж тем более ни словом не обмолвиться о том, что тело оказалось обескровленным.— Не нужно сеять панику, — произнёс БабаДруцкий, глядя десятнику прямо в глаза. — Страх в деревне — хуже любого врага: он слепит и заставляет видеть чудовищ там, где их нет или, напротив, не замечать настоящего зла. Десятник кивнул, хотя в его взгляде читалось сомнение: он-то знал, как быстро слухи расползаются по избам, словно мыши по амбарам. А для себя Аркадий Семёнович сделал пометку в блокноте — короткую, почти безликую строчку, за которой скрывалось куда больше, чем казалось на первый взгляд: «Преступник будто нарочно оставил тело — словно приглашал меня в игру, ценой которой станет очередная жизнь». Статский советник стоял, слегка ссутулившись, и смотрел на опустевшее место, где ещё недавно лежало тело мельника. Он не знал, кто станет следующей жертвой. Не знал, сколько ещё жизней будет принесено, прежде чем он выследит преступника. Но в одном Аркадий Семёнович не сомневался: он найдёт его. Чего бы это ни стоило. Теперь это уже было не просто расследование — это стало делом принципа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.